

18+

ТАТЬЯНА МУРАТОВА

Душники

КОГДА ПРИХОДИТ ЛЮБОВЬ

Татьяна Муратова

Дубинины. Когда приходит любовь

«Издательские решения»

Муратова Т.

Дубинины. Когда приходит любовь / Т. Муратова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-628057-1

В привычном ритме тянется жизнь: счастливое детство, интересная учёба, увлекательная работа; вокруг отзывчивые друзья, большая семья — и вдруг приходит любовь. Не важно, семидесятые годы двадцатого века на дворе или современная реальность, шестнадцать тебе или тридцать, отец ты, сын или внук «того самого» — ты влюблён, и жизнь меняется. Раздавит любовь или сделает сильным, зависит только от тебя. Выбор за каждым: унывать, врать, пить, блудить — или возможен иной путь? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-628057-1

© Муратова Т.
© Издательские решения

Содержание

Катя. Пути Господни,	6
Костя и Алёна. Жизнь прожить.	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Дубинины Когда приходит любовь

Татьяна Муратова

Иллюстратор Татьяна Муратова

© Татьяна Муратова, 2024

© Татьяна Муратова, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0062-8057-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Катя. Пути Господни, 2011—2014 годы

* * *

Детство у Витьки выдалось обыкновенное, как у всех в Советском Союзе. Ну, если не у всех, то у половины точно: мама, папа, детсад, школа, продлёнка, пионерский лагерь, домашние пельмени по воскресениям, мороженое местного молокозавода в хрустящих стаканчиках, квас из бочки по праздникам. Родители его поженились поздно, когда матери уже за тридцать перевалило, а отцу – он был на двадцать лет её старше – за пятьдесят. Папа всю жизнь шоферил. Мама работала нянечкой – пристроилась в детсад, чтоб за сыновьями догляд держать.

У Витьки имелся старший брат тремя годами взрослее. Грамотный! Мать взирала на него умильными глазами и вздыхала: «В кого же ты такой образованный? Держись, Витька, брата! Слушайся его во всём». И Витька слушался. Даже не ревновал мать за то, что старшего больше него любит. Считал, что справедливо: ему до брательника было далеко, ума много Бог не дал. Правда, силой да здоровьем не обидел, грешно жаловаться.

В школе Витька скучал, еле на тройки тянул, чтоб хоть в училище взяли. Из всех предметов только на физкультуре передовиком числился; ну, ещё историей интересовался, но это, скорей, из-за учителя. Того все уважали, домашку готовили на совесть, западло считалось спалиться. Иногда Витька физике симпатизировал, но периодами, напрягаться не хотелось, с учительницей не ладилось, не взлюбила она упряма. А вот брательник умел подстраиваться, всё просчитывал: когда списать, когда параграф выучить, когда учительнице помочь тетради донести; младший им гордился, всеми потрохами предавался родственному расположению.

С начальной школы Витька слыл одним из отъявленных драчунов, но не по задиристости характера, а по возбудимости и доверчивости. Этим нещадно пользовался старший. Ему доставляло удовольствие, если не сказать наслаждение, подзадоривать, науськивать, сталкивать лбами своего тупоголового с очередным неугодным элементом, а затем наблюдать, как мелкий мчался махать кулаками.

Из школы Витька топал к отцу, который работал в авторемонтной у дяди Серёжи. Там проводил всё своё свободное время. Никаких секретов мастерства пожилой одинокий мужчина не таил, всё объяснял любопытному парнишке: и где стучит у машины, и почему, и сколько бензина «жрёт», и что такое рулевая тяга, и как устроен поршневой двигатель. Витька любил дядю Серёжу, автомобили и мастерскую по-детски открыто, искренне. Батя научил его водить, и пацан мечтал получить права. Он приходил в мастерскую с очередным «неудом», фингалом под глазом, а пожилой уже дядя Серёжа сажал его пить чай с сушками. Потом они шли «лечить» машину. Наставник не раздражался, не кричал, говорил медленно, негромко, а Витька, забыв все школьные невзгоды, завороченно наматывал на ус премудрости профессии. В конце смены возвращался отец, сын залезал в кабину его автомобиля и рулил, вместе они возвращались домой. А дядя Серёжа оставался – жена у него умерла, детей не народилось, вот и не спешил мужчина в холостяцкую каморку.

Всё изменилось в восьмом классе. Брат дал Витьке попробовать шампанского. Оно ему понравилось. Отец ушёл на пенсию, сразу постарел, а вскоре разболелся. Матери пришлось увольняться с работы для ухода за ним – с тех пор она постоянно нервничала и плакала. На Новый год однокурсник брата пригласил того с Витькой в гости, мать их отпустила. Собралась молодёжь из института и ещё откуда-то, все старше школьника, что слегка напрягало

Витьку. Особенно смущали девушки: все фигуристые, с макияжем, не чета одноклассникам. Брат похлопал по плечу: «Не трусь, покажи им, что уже взрослый». И он показал. Напился так, что, когда его привезли домой, всё утро обнимался в туалете с унитазом, а потом заснул на полу, не сумев подняться на ноги. Днём брат успокоил, сказав, что друзья поразились Витькиной крутости, и купил пива на опохмел.

Мать качала головой, горько вздыхая. Отцу становилось всё хуже и хуже – через полтора года после выхода на пенсию, он скончался.

Витька еле закончил среднюю школу и поступил в училище на механика-авторемонтника. Мать с уходом отца совсем сникла, в сыновьи проблемы не вмешивалась. Витька перестал ходить к дяде Серёже, связался с плохой компанией, начал выпивать. Чудом на права сдал.

Армия спасла потерявшуюся душу от губельного влияния уличных маргиналов. Его взяли механиком-водителем Будучи от природы трудолюбивым и исполнительным за год Витька дослужился до сержанта и даже получил три благодарности. В армии Витька не выпивал, но после дембеля брат сразу поставил бутылку на стол: «Помянем отца». Каким-то образом старший исхитрился остаться трезвым, всю бутылку приговорил Витька. С тех пор так и понеслось: «Помянем?».

Обнаружились прежние «друзья». Через полгода работы в приличной автомастерской Витьку уволили за пьянки и прогулы. Он нашёл новое место, но и там держался только за счёт золотых рук. Ещё через полгода его арестовали за крупную кражу. Витька не понял, как это получилось, даже оправдываться не стал, думал – разберутся. Но петля затянулась не на шутку: ему предъявляли подписанные им же по пьяни документы на аренду двух украденных фур и на права по перевозкам, а на суде брат дал свидетельские показания виновности родственника, добавив в конце: «Его пьянство довело нашу маму до болезни, она от горя и отчаяния не встаёт с постели, всё плачет». Витька лишился дара речи, но не стал кричать брату: «Ты всё врешь! Мама тоскует без папы, а во время „кражи“ мы с тобой отца поминали! Я не мог потом даже до кровати доползти, планами грабежа с тобой не делился!». Он молча сел в тюрьму и отбыл положенные два с половиной года целиком.

Освободился Витька в двадцать три года. И сразу узнал, что мама скончалась год назад, но ему об этом никто не сообщил. Отчаяние и жгучая ненависть к родному брату наполнила его. За время сидки пелена спала с глаз, да и корешки «просветили» его. Он понял, как старший использовал младшего, как насмехался над ним: в школе провоцируя драки, дома – обвиняя во всём перед родителями; как спаивал его целенаправленно и с садистским удовольствием.

Домой старший младшего не пустил. Сказал, что продал его долю в квартире и погасил этими деньгами цену пропавших фур с товаром. Витька не стал интересоваться, как тому удалось обстрять такое решение, правды искать тоже не стал. Он подался в бомжи, поселился в подвале, рылся в помойках и пил по вечерам всё, что придётся. Однажды починил украденный «паханом», как того звали все вокруг, мотоцикл и в благодарность получил от того «плату». Пьяная и опухшая бомжиха умела готовить еду из чего угодно и знала, как обласкать мужика. С ней Витька лишился девственности. Несмотря на таланты бомжихи, его от неё тошнило; слегка протрезвев, полез на свежий воздух. Брёл долго, добрёл до храма, оробел и зашёл внутрь.

Шла воскресная Литургия, Витька простоял до конца, заворожённый красотой богослужения и ещё чем-то, бередящим душу. Он не двигался с места и после службы, ему некуда было спешить. Появился священник, поговорил с прихожанами – молодой парой – и направился к выходу, но, заметив Витьку, подошёл к нему. Бомж сам не понял, как разоткровенничался, поведав всё. Священника звали отец Виктор – оказался тёзкой. Батюшка дал ему работу, попросил очистить задний двор от снега. И велел прихожанкам чтобы после этого его покормили в трапезной.

Дрожащими руками ел Витька суп с хлебом и ронял солёные слёзы в тарелку. Ночевать отец отправил парня к матушке Варваре, она была одной из прихожанок и у неё имелась ночлежка. Матушка Варвара – пожилая женщина, очень строгая, неразговорчивая, с плотно сжатыми губами, давно выплаканными глазами. Она лет двадцать назад в результате трагического случая потеряла семью. Муж погиб, а сын оказался в больнице для умалишённых. С тех пор она определилась трудиться при храме, а квартиру содержала для нуждающихся, которых благословлял батюшка. Так попал к ней Витька: его отмыли, подобрали одежду, приставили работать в храме, пока сам отец Виктор искал юридические пути снабжения страдальца жильём.

Среди прихожан оказались грамотные люди – помогли оформить парню комнату в коммуналке. Этот период в несколько месяцев прожил Витька трезво, работу выполнял рьяно. Силёнок у него хватало, потеть не боялся: и на крышу лез снег сбрасывать, и плотницкие труды освоил, и полы мыл. Сначала на службе стоял как свечка, потом алтарничать начал чтецом, да на клирос благословился. Прихожане Витьку полюбили, стали «наш Витя» называть.

Через несколько месяцев отправился вселяться в новое жильё – коммуналку. Она оказалась трёхкомнатной. В одной комнате никто не жил – она продавалась, её периодически приходили смотреть, но та никому не нравилась. Во второй комнате, самой просторной, жил нехарактерно спивающийся, маленький и невзрачный еврей. Он работал, но скрывал где именно. С ним обитала сожительница Рита – мясистая баба с бегающими глазками. В третьей поселился Витька. У прихожан собрали старый хлам: шкаф, стол, диван, посуду – всё это привезли, занесли в комнату и уехали. Витька остался один. Послышался робкий стук в дверь.

– Кто там?

Просунул нос сосед-еврей:

– Может, за знакомство?

Прошли на кухню. Соседка суежилась, накрывая на стол: картошка, салат, рыбные консервы, колбаса, бутылка самогона. Выпили за знакомство. Самогон оказался приличным и ядрёным, но еврей не сознался, где взял его, только похихикивал.

Когда Витька очнулся на следующий день у себя в комнате, голова трещала, а с прошедшего дня помнились только ухмылка соседа и почему-то подмигивающая ему бабёнка, хватающая его руки и прижимающая их к своей груди: «Послушайте, как бьётся сердце. Я так волновалась, так волновалась! Всё думала, кого к нам поселят...».

Ужасно хотелось выпить, Витька двинулся в коридор и на кухню. Никого в квартире не было, лишь на кухонном столе, где вчера пировали, стояла стопка самогона – видно, для него. Он опрокинул её в рот – стало легче. Посмотрел на часы, пошёл в ванную, чтобы умыться и почистить зубы, увидел себя в зеркало: красные опухшие глаза, отёкшее лицо – и решил, что в таком виде в храм являться нельзя. Совсем не являться тоже нельзя, отец Виктор обещал подыскать место автомеханика – работа Витька нужна, как воздух. Он пришёл через день, батя посмотрел искоса, но ничего не сказал.

Витьку взяли на работу, целую неделю он исправно нёс трудовую повинность, а в субботу и воскресенье ходил на службы в храм. Эти дни он почти не встречался с соседями: еврей иногда пробежал с выпученными глазами и махал руками, Витька не пытался с ним заговорить. Сожительница появилась пару раз хмурая и трезвая, помыла полы, сварила суп и ушла.

В понедельник Витьке привалил «левак», он быстро справился, ему заплатили. По пути домой купил икры красной, макарон, хлеба, сосисок, пива и решил расслабиться с евреем, если тот дома. Сосед оказался дома, но в компании. На кухне за столом сидела его бабёнка да раскрасневшийся толстячок с румяной крашеной молодухой. Еврей услужливо бросился к Витьке, стал знакомить с гостями. Тот достал свои покупки, выставил на стол. Толстяк одобрительно крикнул, еврейская баба заулыбалась. Выпили. Потом ещё. И ещё. Соседи о чём-то болтали, Витька не слушал, ему вновь вспомнился брат и нанесённые им обиды. Как всегда, ненависть жгла сердце; все внутренности горели, требуя испепелить пережитое, он побагровел,

в глазах отразилась тупая боль. Витька налил себе и выпил один – слегка отпустило. Изрядно захмелел, встал, собрался пройтись до санузла. В коридоре его догнала тоже прилично опьяневшая соседка, что-то забормотала, обвила толстыми руками, обдала запахом селёдки, водки и дешёвых духов. Витька удивился, но ломаться не стал, завёл к себе, закрыл дверь на крючок. Он не настолько опьянел, чтобы не осознать происходящего (как, например, получилось с бомжихой), поэтому, после случившейся близости, надевая штаны, бросил жёстко: «Будешь только моей! Всё сделаю для тебя: деньги, вещи. Про еврея забудь». Дама согласилась, Витька ей нравился: «Не чета сожителю, раза в два больше, да моложе лет на тридцать».

Так они и стали жить: Витька работал как проклятый, тащил деньги, баба наводила в его комнате порядок, готовила ужин. Когда он возвращался с работы, его ждали борщ, котлеты, выпивка. Они вместе ели, выпивали бутылочку и шли в постель. Еврей отнёсся к ситуации с пониманием, никаких претензий не предъявлял, при встрече заискивающе улыбался. Так длилось полгода. Ни о какой любви, естественно, речь не шла. Всё происходящее Витьке было противно, как и он сам, но считал ситуацию приемлемой. Лучше бомжовской.

Изредка он появлялся в храме, но батюшка не допускал его ни в чтецы, ни на клирос. Однажды, вернувшись домой, Витька застал свою бабу уже пьяной (обычно она лишь слегка хмельная встречала его). Оказалось, у еврея гости. Витька присоединился к компании. Смутное, злое подозрение закралось в душу, и он стал глушить его стаканами до тех пор, пока не догнал и не обогнал собутыльников в опьянении. Заметив, как его Краля подмигивает гостю, жмётся к нему, схватил её за руку, потащил в комнату, но на пороге, споткнувшись, упал. Его сожительница стала требовать ласки, но он не смог даже штаны снять, тогда она распахнула дверь и демонстративно продефилировала в комнату еврея, куда следом отправился гость – Витька всё видел, ведь дверь осталась распахнутой. Сам лежал на пороге, не в силах подняться, там же его начало чистить, там же он и забылся, и погряз по уши в своих испражнениях.

На следующий день Витька на работу не пошёл, долго отлеживался, опохмелялся, хмуро смотрел, как его бывшая сожительница бежит полуголая от еврея в ванную и обратно. Вечером пришла к нему, пряча глаза и напрашиваясь на взаимность: ведь вчера он не смог, что же ей оставалось? Но Витька с пьяной решимостью выставил её вещи за дверь.

Так и не протрезвев, впервые ушёл в запой. Пил много и каждый день, пока не закончились деньги. После этого опухший и с дрожащими руками, он пошёл в храм к отцу Виктору, тот сказал: «Новую работу ищи сам». Но разрешил раз в день приходить в трапезную обедать.

Работу Витька искал долго и сложно. В конце концов пошёл к соседу на поклон – тот устроил его грузчиком, но Витька радовался – в его ситуации на большее рассчитывать не приходилось. Стал трудиться, а по вечерам снова выпивать. Пару раз уходил в запой, но еврей молвил за него словечко, и его снова брали.

Как-то нашёл место в авторемонтной мастерской, продержался там чуть больше месяца, потом всё же вылетел. Пошёл опять в грузчики. Понял – перепивать нельзя. Опытным путём установил дозу и держался своего режима: после работы покупал по дороге одну бутылочку беленькой (вторая – путь в запой), выпивал её дома и ложился спать. В храм не ходил, еврея с его бабой простил, но с ними за стол не садился. А на работе, если угощали, не отказывался (правда, тогда приходилось высчитывать, сколько можно добавить дома) – худо-бедно, но существовал. Бывало, на работе устраивали знатные застолья – день рождения у кого или премия, тогда Витька обходился без домашней дозы. Но в такие дни ему требовалось вовремя ретироваться. Это давалось мучительно до невозможности, ведь дармовой выпивки выставляли много. Так, празднуя именины завхоза и принимая на грудь очередную рюмку, почувствовал, что она стала лишней и не смог остановиться. Отчаянная пьяная удаль поднялась из глубины чрева: «Раз уж перебрал, то напьюсь до чёртиков! Всё равно! Запой, так запой! И море по колено! Кому я, в конце концов, нужен, ошибка Создателя, позор родителей?».

Нализавшись до отвратительной дрожи в ногах и потери ориентации, Витька засобирался домой. В каком бы он ни был состоянии, дорогу он помнил, шёл несмотря на мрак и гололёд. Только домой не добрался, сам не понял, почему. Память отказывалась воспроизвести то, что произошло после того, как он, хватаясь руками за смешные падающие стены, вывалился на свет Божий в ночной город.

* * *

Очнулся Витька от непривычного, странного ощущения бесчувственности. Ничего не болело, только шумело в голове да плыл белый потолок перед приоткрытыми глазами – точнее, одним. Потолок плыл, колыхаясь и вибрируя, словно волны на поверхности водной глади. Рук и ног не ощущалось, словно их отродясь не существовало; решил проверить – дернулся, но ничего не получилось, только потолок поплыл в другую сторону. Какие-то незнакомые сознанию звуки доносились из внешнего мира. Разговор? Скорее отдельные фразы мужских и женских голосов. Захотелось самому что-то сказать, типа: «Где я?», но вышло: «Хе... хе... я?». Мужской голос со стороны отозвался:

– Кажется, ваш новенький очнулся.

Послышались шаги, и над Витькиным лицом склонилась женщина в медсестринской обложке с красным крестом.

– Да, слава Богу. Вы меня слышите?

Витька прохрипел:

– Фиг вам, я не умер...

Лицо улыбнулось:

– Конечно, живы, только немного пострадали. Скажу доктору, что вы в сознании, и он заглянет. Есть какие-нибудь желания?

– Пить.

– Я принесу воды.

Что ж, тоже неплохо. Медсестра принесла стакан воды и, приподняв ему голову, напоила. Всё вокруг закружилось, поплыло Витька, уронив голову на подушку, отключился. В следующий раз он очнулся от боли. Бесчувственное тело пронзил острый спазм. Но через некоторое время он волной отступил. Витька открыл один глаз. Потолок опять колыбался, но не так сильно, как в первый раз. Он повернул голову: «Ни хрена себе! Четырёхместная палата! Все в гипсах, двое спят, один книгу читает». Почувствовав Витькин взгляд, читатель поднял глаза. Витка попытался спросить его:

– Ты кто? – фраза хоть невнятно и хрипло, но прозвучала.

– Коля.

– А... Витя, – он хотел приподняться и протянуть руку, но, похоже, погорячился: в голове возник диссонанс, а в рёбрах – острая боль.

– У тебя сотрясение, пока желательно меньше двигаться.

– Пока... что?

– Пока доктор не придёт, он оставит рекомендации.

– Слушай, а что со мной? – Витька ничего не помнил, только понимал, что его положение сейчас – кранты.

– Машина сбила. Помнишь?

– Не-а...

– Похоже, переломы рук, ног, рёбер и, пожалуй, носа.

Витька подумал: «Вот те ладушки-оладушки, прикатали к бабушке!» и сказал:

– Ни х... себе. Как это меня угораздило?

– А я почём знаю? У доктора спроси.

– А ты... Коля, с чем?

Тот нахмурился:

– Производственная травма, полноги оттяпали.

Витька застонал и опять забылся. Позже его разбудили. Медсестра, уже другая, пришла кормить. Он отреагировал так:

– Ни фиги себе пошив! С ложечки, как младенца!

– Это только первый раз. Дальше будете сами справляться: потихоньку садиться и, когда голова перестанет кружиться, начнете есть самостоятельно.

– А естественные потребности, простите?

– У вас утка, вынесем. Если есть родственники, попросите памперсы. С ними и вам, и нам удобнее будет. Их можно в аптеке на первом этаже купить.

Витька чуть было не вскрикнул: «Ну, и хрень! Памперсы! Мужуку?». Впрочем, родственников у него не было, и на первый этаж он сам спуститься не мог.

Доктор пришёл на следующее утро с обходом, он оказался мужчиной средних лет с нерусским лицом.

– Я – ваш доктор, Алибек Мафусаилович.

Витька смолчал, а сам подумал: «Главное, что доктор. Пусть базарит, отчего вся левая сторона болит, рёбра дышать не дают, и буду ли я работоспособен опосля». Но обход начался не с него, а с других трёх человек. Витька пока ждал его – сел. Учился садиться постепенно. Понял, что главное, головой не вертеть и резких движений не делать. Наконец, Мафусаилович добрался до него.

– Что, Виктор Андреевич, как вы себя чувствуете?

Витька сразу выложил ему всю правду-матку. Может, не слишком членораздельно, но эмоционально, перемежая речь ненормативной лексикой. Алибек Мафусаилович согласно кивал головой и что-то записывал в папочке. Больной не выдержал:

– Может, просветишь плёнку, как я в дерьмо вляпался?

– Это – дело милиции Наше дело – медицинское. Собираем по кусочкам и доживать отправляем.

Витька юмор не оценил. Врач продолжил:

– Кстати, о милиции. Я уже сообщил, что ты... Вы в состоянии общаться так что сегодня или завтра должен подойти человек для беседы об аварии. Советую вспомнить подробности.

«Ладушки-оладушки, нечего мне вспоминать... Но лучше пока об этом заикаться не буду», решил Витька. Дальше разговор коснулся сроков выздоровления и методах лечения: тут сложностей не возникло. Хотел спросить, дадут ли ему больничный. Но опомнился. Всё равно на работу его обратно не возьмут, все же видели до какого состояния он нализался, да и как теперь в грузчики после переломов...

Милиционер пришёл в тот же день. Выглядел он настолько молодо, что Витька подумал: «Совсем ещё салага!». Витькино дело было у него одним из первых, отправное в карьере, поэтому он важничал. Оглядел любопытные физиономии на окружающих койках, пытаясь сохранить невозмутимость, сел на стул Витьки и открыл «Дело». Сначала уточнил личность: ФИО, год рождения, место жительства, место работы, родственников – ничего интересного. Потом попросил подробно описать вечер такого-то числа, начиная от шестнадцати часов. Витька решил ничего не скрывать, не любил он этого: «Я не девка, чтоб стыдиться пьянства. Да и за работу хвататься нет смысла. Наверное, приказ об увольнении давно подписан». Картина с его слов обрисовалась неприглядная:

– Я пьянствовал в тот вечер, ничего не помню. Опять же, чего выпендриваться? По роже видать, кто я такой. Коля зеркало давал, ни в каком фильме ужасов такую мордань не увидишь. И так опухший ходил, а теперь ещё и вся левая сторона синяя и с полосами содранной кожи.

Следователь достал бумаги, стал их быстро зачитывать. Витька старался врубиться в смысл профессионального сленга, но не смог – парень недавно учебное заведение закончил и щеголял умными терминами. Витька подумал: «Блин, из-за пьянки и так одна извилина оставалась, да и та от сотрясения дуба дала!». Понял только, что сбила его женщина (Витька терпеть не мог тёток за рулём) на углу Пантелеевской и Свечного. Как услышал, сразу вспомнил: «Гиблое место. Освещение слабое, поворот опасный». Там дорогу он обычно и переходит, потому что так до дома ближе. Сбившая его девушка поступила грамотно: вызвала скорую, милицию, во всём повинилась. Правоохранители составили протокол и прочее. Но ему то от этого ни тепло, ни холодно, разве что мог сказать: «Спасибо, не насмерть!». В конце милиционер равнодушно спросил:

– Будете ли вы предъявлять претензии Екатерине Константиновне?

– Какие претензии? – не понял Витька.

– Вы имеете право подать в суд иск о нанесении ущерба здоровью, о возмещении затрат на лечение, одежду и на материальные издержки. Екатерина Константиновна уплатила административный штраф в максимальном размере, но водительских прав её не лишили. Видите ли, видеорегиистратор и свидетели фиксируют вашу вину, но нанесение ущерба здоровью средней тяжести имеется, так что иск можно подать. Дело будет рассмотрено в суде, который вынесет свой вердикт.

У Витьки закружилось в голове: он может получить деньги?!

– И сколько я могу запросить?

– Как считаете нужным.

– Но ведь я не могу пойти в суд.

– Я схожу.

– Денег нет, заплатить не смогу.

– И не нужно. Есть необходимость набраться опыта, для меня это важнее денег

Тут же составили бумагу. Витька не стал жадничать: прикинул свою месячную зарплату и умножил её на три – примерно столько месяцев он, пожалуй, не сможет работать полноценно, вот на такую цену и подписал иск. Следователь ушёл, пообещав дать ход документам, и оставил свой номер телефона для связи. Витька повеселел: «Будут деньги! Не так всё гибло!». Правда, настроение подпортил Алибек Мафусаилович, когда на следующем утреннем обходе, просматривая снимки, как бы между прочим заметил:

– Это не моё дело и конкретно ни к кому не относится, но порой я поражаюсь, как низко мыслит русский алкаш. Гражданка без проволочек его в хорошую больницу устроила, лекарство достала, каждый день звонит, беспокоится, а он: «Денег дай за то, что меня, пьяного, в живых оставила». Впрочем, простите, это, действительно, не моё дело...

Витька заскрежетал зубами, но потом ухмыльнулся: «Хорошо доктору о благородстве рассуждать, он с руками-ногами, зарплату получает, небось, и жёнка бочок греет». Коля встал на его сторону: «Конечно, она все силы приложила, чтоб ты в живых остался, а иначе неизвестно, как бы повернулось. Но ведь она тут же откупилась! У неё даже права не отняли, хотя должны были». Витька, успокоенный приятелем, не стал заморачиваться. Тем паче, что к болям по всей левой стороне, тошноте и невозможности свободно передвигаться добавилось жгучее желание выпить, терзающее тело так, что не до философии.

Медсестра, что дежурила в первый день, когда он очнулся, убирая капельницу, сказала:

– Доктор велел передать, что вас желает навестить женщина, которая сбила. Пустить?

Витька вовсе не желал подобного свидания. О чём с ней говорить? Но тут посоветовал друг Коля:

– Может, узнала о иске и хочет миром всё уладить? Это лучше, чем через суд, который непонятно, куда прогнётся. Ты не отказывайся, деньги лишними не бывают.

И Витька согласился...

* * *

Катя родилась пятым ребёнком в православной и не бедной семье и долгое время была единственной дочерью. Конечно, такое чудо баловали и родители, и старшие братья. Господь даровал ей сердце доброе, душу богобоязненную. Финансовое благополучие Катя считала даром любви окружающих и невероятной милостью Создателя, свою внешность – более чем унылой (вот её подруга Виолетта – красавица!), а умственные способности – скромными. Но всё вышеупомянутое не мешало девушке пылать желанием творить добро, даже совершить подвиг. Впитав от матери любовь к молитве, она в отроческие годы пламенно просила Спасителя послать ей возможность служить ближнему как-нибудь, только не врачом – врачей она с детства, когда беспрерывно болела, боялась. Но время шло, Катя закончила девять классов, стала заниматься цветоводством и растениеводством, как мама, а подвиг не приходил. На двадцатилетие отец подарил ей машину, небольшой Ford: «Все мои дети должны иметь свой транспорт».

Катя училась примерно, по дороге в училище и обратно ездила очень аккуратно, на небольшой скорости, в поздний час старалась не садиться за руль. Однако ноябрь такой тёмный месяц, а пешеходы редко со светоотражателями, ей было ух, как страшно. Однажды пришлось после занятий заехать к подруге, вместе готовить презентацию – дело не быстрое – и возвращаться домой в сумерках. Хорошо, все уже по домам сидели в столь поздний ненастный час, непредсказуемые дети через дорогу не мчались. Но район Пантелеевской богат сумеречными переулками, хоть и проехать можно без пробок. Вдруг откуда-то на дороге оказался мужчина! Катя резко затормозила, тут же вышла из машины, подошла к нему и нащупала пульс. У неё не было ни страха, ни растерянности, а только жажда деятельности. Вызвала всех сразу: милицию, ГИБДД, платную скорую, чтобы сократить драгоценное время ожидания и стала молиться. Потом приехали службы, составили протокол. Катя бросилась к скорой помощи:

– Куда его?

– В социальную.

– Нет-нет, пожалуйста, можно в первую городскую? Она ближе.

– Но это приличная больница, бомжей и алкашей там не принимают. У нас распоряжение везти таких в социалку.

– Я договорюсь, с вами поеду, – Катя нашла несколько купюр в кармане и пихнула мед-братьям. Те, ворча, погрузили страдальца и поехали. Катя – за ними, по дороге набрала телефон папы:

– Папа, я сбила человека. Жив, мы направляемся в первую городскую, но его могут не взять, грозятся социалкой, потому что пьяный. Помогите, позвони брату Андрею – может, он подъедет.

Папа у Кати человек военный, отреагировал мгновенно:

– Жди, через полчаса будем.

Мужчины приехали, дочку и сестру успокоили своим присутствием и уверенностью, познакомились с врачом.

Потом папа уехал в милицию, а Катя с Андреем ждали, когда хирург закончит осмотр. Девушка знала уже имя, возраст и адрес потерпевшего – слава Богу, он паспорт с собой носил – Виктор Андреевич, двадцать шесть лет, Свечной переулок, семнадцать. Вышел врач с труднопроизносимым именем, всё пояснил:

– Основной удар пришёлся на левое предплечье – там сильный перелом, голова цела, внешние повреждения и, пожалуй, сотрясение. Ещё ребро и стопа.

Катя спросила:

– Выживет?

– Безусловно! Такие не умирают. Но ему нужна небольшая операция с установкой штифта и последующее лечение.

– Когда делать операцию?

– Хорошо бы сразу. Но пациент вдрызг пьян, сердце может не выдержать. Да неизвестно, как наркоз подействует. Лучше сначала кровь промыть и достать одно лекарство. Правда, оно дорогое.

Катя с братом всё оплатили, лекарство нашли, оставили страдальца в больнице и поехали домой, куда уже папа вернулся.

За полночь сидели за столом: мама, папа и Катя. Андрея отпустили спать. Семья разбирала ситуацию. Главное, не паниковать да рыдать было не принято, а мыслить конкретно.

– Он не бомж? — первый вопрос задала мама.

– Адрес из паспорта я записала.

– Семья, родные?

– Не знаю.

– В милиции знают, я завтра туда еду твой штраф оформлять, выясню.

С утра Катя звонила в больницу: операцию сделали, гипсы наложили, капельницы поставили, но сам пациент ещё не очнулся. Отец справился в милиции: семьи нет, живёт в коммунальной квартире, из родных – брат, есть его адрес и телефон. Звонить взялась Катя. Ей ответил сухой мужской голос, она представилась.

– Скажите, Виктор Андреевич приходится вам родным братом?

На другом конце повисла тишина.

– Понимаете, я вчера сбила его на своём автомобиле, – спешно затараторила девушка, боясь, что собеседник отключится. – Он жив, не беспокойтесь, сейчас находится в больнице. Мы стали искать родственников и вышли на вас. Больше, похоже, у него никого нет.

– Жаль.

– Что, простите?

– Жаль, говорю, что жив! Я надеялся, что он давно подох! Лучше б вы его задавили, меньше позора...

– А... Вы не хотите его навестить или о здоровье узнать?

– Я о нём ничего знать, девушка, не желаю! Алкаш он конченный! И не брат мне больше. Ещё раз говорю: жаль, что вы его не задавили, все мучения бы прекратились. Всего доброго.

Тут уж Катя расстроилась и, наконец, расплакалась. Маме едва удалось успокоить дочь, которая только и повторяла: «Как же так можно? Брат ведь родной... Бедный, бедный». После занятий Катя поехала в больницу, узнала, что потерпевший пришёл в себя, но очень слаб и почти всё время спит. Она встретилась с Алибеком Мафусаиловичем и попросила разрешения навещать больного. Отец съездил на квартиру Виктора Андреевича, привёз одежду, которую вынесли ему соседи. Её передали в палату. Кате разрешили навещать больного на четвёртый день; радостная, она носилась по дому, собирая передачу – мама только головой качала, а папа советовал умерить прыть: «Мужу и без того плохо».

И вот Катя в больнице, поднимается на третий этаж, ищет палату, заходит. Час посещения, но в палате никого нет, четыре койки, одна пустая. Катя сразу узнала его, хотя во время аварии особо не разглядывала: койка слева у двери, большой мужик с опухшим расплосованным лицом, в гипсах и со злыми глазами. Второй, напротив, похоже, без ноги. Третий на костылях, очень молод, у окна стоит.

Катя улыбнулась:

– Здравствуйте, ведь это вы – Виктор Андреевич? Я – Катя. Та самая, что вас сбила на машине.

* * *

Все одновременно обернулись. Какую угодно тётку ожидал увидеть Витька, но не такую... Он даже встал, опираясь на здоровые ногу и руку, и почти захлебнулся от невозможности выплеснуть своё трёхэтажное возмущение.

– Чё за пигалица? С каких это катушек у нас детям права на вождение выдавать стали? Да ты хоть совершеннолетняя?

– Я... Мне двадцать один, уже год за рулём.

– А тачку, небось, богатый любовничек подарил... или папаша побаловал?

– Папа. Но это неважно.

– Неважно? Ездить научись сперва, а то продолжишь людей давить!

Катя покраснела, но не стушеввалась.

– Я умею, езжу осторожно. Но на этом перекрёстке всегда темно – я совсем не заметила, как вы ползли...

Витька, выпучив глаза, здоровый и заплывший, уставился на неё:

– Что значит полз?

– Ну, как ползут – на четвереньках, через дорогу, я вас и не заметила сразу.

Кто-то из соседей хрюкнул. Витьку словно в бочку с ледяной водой окунули, он подумал про себя: «Полз... Понятно теперь, почему такие переломы. Врёт? Нет, такая не будет врать – вон как глазищами хлопает. Наградил же Господь такими шторками». Витька сел.

– Иди отсюда.

– Почему? Я вас обидела? Простите, не хотела. Я так обрадовалась, что меня пропустили, я к вам теперь часто буду приходить, если... вы не против.

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем пришла?

– Хотела прощения попросить. Я понимаю, что это глупо: покалечила человека и прощения прошу, но всё же. Я нечаянно, честное слово.

Витька смотрел на это странное существо и удивлялся: «Ребёнок ребёнком, детский сад! А ведь с неё деньги требовать решился. Интересно, знает или нет?». Внутри стало пусто и противно. А Катя, ободрённая его молчанием, продолжала:

– Тут ещё узнала, что вы один и вас никто не будет навещать – это же плохо? То есть, в милиции сказали, что у вас брат родной есть, я ему позвонила, думала, захочет к вам прийти. Но он не захотел.

Витька сжал зубы – ненависть к брату поднималась в душе привычным мутным болотом, он побагровел.

– Не надо меня навещать. И брата не надо об этом просить. Убирайся! А то сейчас добавлю слова, которые младенцам слышать запрещается.

– Погодите немного, скоро уйду. Я вам гостинчик принесла: тут апельсины, кефир и пирожки с капустой – мама пекла, у меня, к сожалению, так вкусно не получается.

– А бутыл где?

– К... какая бутыл?

– Водку принесла?

– Да что вы! Нельзя же!

– В следующий раз без бутыля можешь не приходить.

– А я всё равно приду! Вы такой злой, потому что на меня сердитесь, но это пройдёт. Ещё и котлет принесу – в больнице таким не кормят!

– Слушай, тараторка, достала донельзя. Плевать мне на тебя и на твои подачки. Мне выпить надо, хоть сто грамм Забота твоя мне до лампочки. Сбила и сбила, прощения попросила – совесть чиста. Вали отсюда поскорее, пока я в тебя тумбочкой не запустил.

– Хорошо, до свидания. А вас как зовут? – спросила она у остальных пациентов.

– Коля.

– Тарас.

– Вы тоже угощайтесь – я завтра побольше принесу.

Уже у дверей обернулась:

– А костыли у вас есть?

– Что? – взревел Витька, а Коля засмеялся:

– Нет, у него нет. Только у меня да у Тараса.

Когда Катя ушла, Витька вытер пот со лба, покосился на свёрток с едой, от которого уже тянулся аппетитный запах, сглотнул и лёг на кровать. Ужинали в половину восьмого, давали жидкую кашу или запеканку, как в школьной столовой. Витька ел без удовольствия, просто чтобы утолить голод.

– Вить, – послышался Колин голос, – давай? – и кивнул на свёрток, – я чай организую.

Витька огрызнулся:

– Жрите сами.

Коля принёс кипяток, развернул пакет, и вся палата наполнилась запахом тёплой домашней выпечки. Витька не выдержал, допрыгал до стола и присоединился к трапезе. Пятнадцать пирожков, пакет кефира и четыре апельсина исчезли за две минуты. Уже глядя на пустой стол, Витька подумал, что зря поддался – есть захотелось сильнее, и захотелось именно домашней еды, маминой, той, что она готовила ещё до болезни отца. Витька застонал, понимая, что если не выпьет спиртного, то боль потерь и отвержения прорвётся наружу. Добрался до кровати и рухнул лицом в подушку. Дома остались две бутылки водки в шкафу, он был готов отдать полжизни хоть за одну из них.

На следующее утро после обхода Витька позвонил следователю и заявил, что он забирает свой иск обратно: «Никаких мне денег не нужно!». Коля, слышавший разговор, покрутил пальцем у виска.

Вечером Витька лёг под одеяло и велел не пускать к нему Катю. Но она снова пришла, принесла костыли и много еды: котлеты, пирожки, ряженку, сушёные абрикосы. Когда ей сказали, что Витька видеть её не хочет, то она ответила, что в таком случае она будет навещать остальных.

Витьке весь день было хреново. Оказалось, боль и немощь бывают не только душевные, но и физические: ныли все кости, особенно левое предплечье, голова разламывалась, трудно было лежать, сидеть, стоять, ходить. Другие просили обезболивающие уколы, он же решил терпеть: «Если и глушить боль, то водкой!». Но её не было. Почти физически Витька ощущал, как в руках появляется бутылка, он наливает спасительное зелье в стакан и подносит его ко рту. Но даже в воображении его рука тряслась, всё проливалось. От такого кошмара Витька покрылся испариной и тяжело задышал. Воззвал к разуму: «Ведь я и раньше периодами не пил. В армии, в тюрьме, у отца Виктора. Правда, всё это было ещё до запоев. Потом-то уже пил каждый день. Может, у медбратии спирт купить? Но денег нет – гиблое дело». Витька начал мечтать: «Рано или поздно выпишусь из больницы, вернусь домой, войду в свою комнату, подойду к шкафу, открою... а там – два бутылка стоят, ждут! Возьму сначала один, открою и буду пить прямо из горла, не заморачиваясь. А уж вторую поставлю на стол со стаканом, закусочку порежу: хлеб, масло, колбаса, икра красная зернистая – это же мечты, почему бы и нет? Сяду и не спеша булькну в гранённый.... Эх, хорошо!». Чуть слюной не подавился.

Витька брал костыли с мыслями: «Плевать, что их принесла балаболка, от которой ничего не нужно, я не настроен думать об этом», выходил в коридор, пытался передвигаться. Было больно и неудобно, и всё же он двигался! Доковыляв до поста, увидел маленькую икону Спасителя у медсестры на стене – губы дёрнулись, глаза впились в лик. Он обратился в нему в серд-

цах: «Ну что ж, раз уж пристроил меня в это исправительное учреждение – давай, направляй, сам я в отпаде от ситуации. Только пить всё равно не брошу!»

Вечером опять пришла Катя. Витька хотел, чтобы её трескотня раздражала, тогда он мог бы стать грубым и хамоватым, но почему-то ее рассказы не утомляли его, а даже наоборот, развлекали. Голос девушка имела приятный, глаза добрые и удивительно красивые, сама нежная и беззащитная; Витьке даже померещилось, что он наклоняется над ней и целует в губы. Вот-таки бред!

– Вы почему молчите, Виктор?

– Да надоедает мне тебя слушать. Вот я и отключаюсь. Ну зачем сюда таскаешься? Тебе что, больше делать нечего? За меня не беспокойся, никаких претензий иметь не буду. Живи себе, радуйся. Хахаль есть? – Витька поднялся с кровати, чтобы двинуться и не думать о девичьих губах.

– Нет...

– А чего так: двадцать один год, пора хахалем обзавестись. Кому-то ведь нравишься?

– Не знаю... Я ведь некрасивая.

– Вот дура, никогда таких не видывал.

Помолчал немного и продолжил:

– Ищи, говорю, хахалья! Девке одной нельзя. Самой кто-нибудь нравится? Ну, есть у вас парни в училище?

– Есть, но... какие-то не такие.

– Пусть так. А родители что медлят? Они ведь у тебя богатые, насколько понимаю, чего жениха до сих пор не нашли?

Катя пожала плечами и опустила глаза. Он добавил:

– Вот то-то и оно, был бы хахаль, не занималась ерундой, не бегала каждый день сюда.

– Это не ерунда, – тихо ответила Катя.

– Ерунда.

– Нет.

– А что?

– Понимаете, я такая счастливая: у меня семья большая и дружная, все меня любят, я ни в чём не нуждаюсь – Господь так одарил меня...

– Подожди, подожди. Ты – верующая?

– Да, я Бога очень люблю.

Витька присвистнул и неожиданно приятным голосом пропел:

– От юности моя мнози борют мя страсти, но Сам мя заступи и спаси, Спасе мой...

Катя даже рот открыла от удивления, настолько ситуация выглядела неправдоподобной: больница, хирургическое отделение, пьяница с опухшим лицом, весь в гипсах, стоит посреди палаты и выводит чистейшим баритоном антифон Утрени¹.

– Вы... вы откуда знаете?

Витька не ответил, снова захотелось выпить, аж руки задрожали. Отвернулся к окну и замолчал. Молчала и Катя. Коля делал вид, что читает, Тарас спал – ему вкололи успокоительное. Наконец, Витька повернулся, глаза у него стали злые, как в первый день.

– Вот что, благодетельница! Мне твоего мажора не надо, ничего ты не исправишь, ты же как тепличный цветочек, не врубаешься в жизнь абсолютно... Хоть понимаешь, что сделала? Хорошо, для ромашек объясню. У меня нет богатых родителей, вообще никаких нет, брат родной от меня отказался, никто содержать не собирается. Я – один. Да, худо-бедно зарабатывал и всё спускал, но как-то существовал от получки до получки. Теперь – инвалид, не знаю, надолго, может, навсегда; на костылях домой приковыляю – хлеба купить не на что. Кто меня

¹ Из православного богослужения.

на работу возьмёт? Грузчиком не потяну, а для другого – морданию не вышел. Всё! Кранты мне! Ладушки-оладушки. Уж лучше б ты меня насмерть задавила – милосердия побольше – сразу в ад, и думать не мозолься.

Витька готовился добавить ещё пару крепких словечек, но наткнулся на растерянный Катин взгляд, махнул рукой и запрыгал к койке, где утомлённо сел, чувствуя себя сдутым воздушным шариком.

– Я... я, – Катя подала голос, – действительно многого не знаю, но не может складываться всё так уныло, выход какой-то есть – обязательно посоветуюсь с папой, мамой, братьями, они умные, не то, что я – что-нибудь придумаем.

Витька хмыкнул:

– Слушай, Катя, иди с Богом, устраивай свою личную жизнь и не занимайся глупостями.

Так как Катя ещё мялась, он почти закричал:

– Уходи, говорю!

Спать в палате ложились рано, свет погасили, Коля при ночнике читал книгу. Витька брал у него какую-то, но одолеть не смог: «Белиберда на постном масле, скулы сводит». А заснуть рано и трезвому не получалось. Мысли в голову лезли: «То ли дело после бухла – сразу отрубаетесь. Зря не сдержался сегодня – девка не виновата, что я пьяный через дорогу полз. Угрозило же её вырулить в такой момент!.. Интересно, жив ли дядя Серёжа? Свинья ты, Витька, или даже хуже. После смерти отца не навещал старика, а тот ведь любил тебя... Ходит ли братеньник на могилы родителей?». Он сам бывал только раз, когда из тюрьмы вышел. Посидел тогда на кладбище, выпил водки, поплакал... Выпивал и ругался, а потом уснул на скамеечке, и проспал до тех пор, пока дождь не пошёл.

Витька вздохнул, попробовал повернуться чуточку на бок... В церкви давно не появлялся, а ведь отец Виктор так много для него сделал, теперь и на крышу не залезть снег сбрасывать. «Боже, как больно... Десять дней трезвый, даже не верится – отметить бы, да нечем!». Поворочавшись, поплёлся до поста, там дежурила медсестра новенькая, несимпатичная какая-то.

– Мне выпить надо.

– Нельзя, терпите.

– Не поняла, что ли: надо!

– Не могу ничем помочь.

– Можешь. Налей стопарик спирта, есть ведь – я сразу спать лягу.

– Нету, ничего нету, идите в палату.

– Ну, не будь стервой – помираю ведь.

– Помирайте, мне-то что.

Витька хрястнул здоровым кулаком по стойке и заковылял обратно.

* * *

Катя вернулась домой взволнованная, но как раз к ужину, мама на стол собирала.

– Что, дочка, понравились ему наши котлеты?

– Наверное, мам, не спрашивала.

– Почему глаза на мокром месте? Случилось что?

– Давай папу позовём, я хочу посоветоваться.

Пришёл отец – они любили совместные ужины: родители, Катя, Маша и мальчишки. Только они служили сейчас в армии, но Матвей должен вернуться через два месяца. Маше четырнадцать исполнилось – она росла симпатичной девчонкой, не то, что Катя.

Старшая дочка, не умея сдерживать в себе эмоции, начала рассказывать о визите в больницу: и о том, какие там все несчастные и голодные, что Витя её гонит (только о хахалях про-

молчала), и что поёт красиво церковные песнопения («чудо какое-то!»), и что он один и теперь временно калека, без работы – и всё из-за неё.

– Что делать, папа? Что делать, мама? Как ему помочь? Я бы денег дала, но не возьмёт ведь.

– А ты пробовала?

– Он даже костыли брать не хотел.

Отец многозначительно хмыкнул.

– Что, папа?

– Я, прости, матери как раз объяснял, что юридически твой протеже может подать иск в суд о возмещении ущерба, то есть здоровья. И вот что интересно, я звонил узнать, не подал ли он такой иск.

– Что, папа, не томи! Как хорошо, если подал, тогда у него будут деньги, пока на работу не устроится!

– Да, Катюша, он иск подавал, но на следующий день отозвал, аннулировал.

– То есть забрал?

– То есть забрал.

– Что же делать, папочка?

Костя молчал, но ответила мама:

– Во-первых, надо поговорить с доктором, чтобы его подержали в больнице как можно дольше. Ты согласна, дочка?

– Конечно, мамочка. В больнице и не выпьешь, и кости лучше срастутся под надзором.

– А кто он по специальности? Образование какое? Не со школьной скамьи ведь в таком состоянии, – качнул головой родитель.

– Не знаю. Говорил, грузчиком последние два года работал, а кем раньше – не спрашивала.

– Узнай, тогда думать будем, куда его простроить. Только, дочь, мы не всеильны: может, работу ему и найдём, однако если он запьёт и его выгонят – мы ничего не поделаем. Таких никто не держит сейчас, это в советское время с пьяницами нянчились...

– Понятно, папочка, я за него молюсь, акафист «Неупиваемой чаше» читаю.

– Вот-вот, ты молодец.

Мама улыбнулась:

– Хочешь, и я сегодня почитаю?

#

* * *

Следующий день выдался на редкость хлопотным. Сначала съезжал Коля. За все время, что он провел в больнице его никто ни разу не навещал, поэтому казалось, что родных у него нет. Но в день выписки за ним приехала сестра со своей дочерью.

Потом заселяли новых калек. Один – со сломанной спиной (бытовая травма), другой – с треснутой головой (разбился в автокатастрофе), третий с множественными переломами – самоубийца (из окна выпрыгнул, да жив остался).

Витька полночи не спал, бодрился, рискнул даже на свою рожу в зеркало заглянуть. Побрился – благо Коля оставил бритву (и книгу) – правда, красивее от этого он не стал: те же мешки под глазами, отёчность, заживающие ссадины и лиловый синяк на треть физиономии. Голова, после того, как стал передвигаться на костылях, кружилась меньше, только нельзя было резко поворачиваться и наверх смотреть.

На обходе спросил: «Скоро ли меня выпишут? Как там по снимкам?». Мафусаилович ответил уклончиво: «Посмотрим через неделю, кости неважно срастаются, надо ещё на физи-

опроцедуры походить да витамины проколоть». Витька сам чувствовал, что ещё не восстановился, потому что ноги болели не переставая, да к тому же их раздуло вокруг гипса.

Открыл книгу, одолел страницу, отшвырнул. Подумал: «Что-то малявка не приходит...». Катя и не появилась в этот день, видно, не получилось. Навестила следующим вечером, застыв в удивлении на пороге, наблюдая за пребывающим в музыкальном экстазе мужчиной.

Чуть раньше Витька заинтересовался новеньким – тем, что с бытовой травмой. Он постоянно носил наушники с плеером.

– Эй, сосед, что слушаешь?

– Так, попсу.

– Дай послушать, соскучился по музыке.

Сосед дал. Витька увлёкся, заслушался, не замечая, как все на него смотрят с любопытством. Это потому, что он, закрыв глаза, громко подпевал и отбивал такт рукой по гипсу. Заметив наконец, перед собой Катю, наушники снял.

– Неплохо, конечно: «Рюмка водки на столе», но лучше бы она была не в песне, – неуклюже усмехнулся он.

Катя принесла «Историю» Нечволодова – первый том, тефтели с малосольными огурчиками, пирожки с луком и яйцом, домашнюю простоквашу, перезнакомилась с новыми соседями, угостила и их.

– Откуда у тебя такая книга? – повертев в руках «Историю», спросил Витька. Они как-то незаметно перешли на «ты».

– Дома много хороших книг. Папа любит печатные, а электронные не признаёт.

Витька почувствовал на себе и Кате любопытные взгляды новых соседей и дёрнулся:

– Пойдём в коридор.

Они вышли.

– Я могу и плеер принести... пока ты в больнице.

– С попсой?

– Что-нибудь церковное.

– ... Псалтирь есть?

– Есть. И Евангелие, и Литургия.

– Только псалтирь... Ты, это, прости меня за то, что я в прошлый раз накричал на тебя: ты не виновата, что я пьяный полз через дорогу. Это меня Бог вразумляет, зачем-то спасти хочет... Но всё бесполезно, – Витька не понимал, почему его вдруг понесло на откровенность перед «малявкой». Впрочем, она имела на это право, ведь она единственная по-христиански отнеслась к нему.

Поэтому Витька и решил, что между ними всё должно быть честно. В конце концов не известно, сколько продлится их общение.

– Господь наш Иисус Христос тебя, Витя, тоже любит, – как-то жалобно прошептала девушка.

– Он хочет, чтобы я пить бросил, а я... не брошу.

– Почему?

Витька опять зло посмотрел на Катю и подумал: «Ничего она не понимает».

– Не могу! Это – моя жизнь, у меня другой нету. Мне ничего не нравится и не интересно: ни телевизор, ни женщины, ни эти компьютеры долбанные. А пить нравится! Я пью, потому что хочу! И не будем больше об этом – я просто сказал честно, чтобы у тебя не возникло никаких иллюзий: я – алкаш конченный, запойный и не исправлюсь. А Бог без моего желания ничего изменить не сможет.

– Но в больнице же ты держишься.

– А что мне остаётся делать? Где я здесь бутылку возьму? Я уж у кого только не просил – бесполезно. Разве что взломаю дверь, где спирт хранится – но я ведь не вор и, наде-

юсь, им не стану. Но из больницы выпишут рано или поздно и я сразу напьюсь – я этого хочу до последнего писка своего грешного тела, как последний наркоман. Так что спасибо тебе за всё, но лучше уходи, учись, радуй родных. Женщине ведь что нужно? Чтоб её любили, чтоб мужик рядом надёжный имелся – вот о чём молись. Давай, вперёд!

Катя замялась.

– Можно, я ещё у тебя побуду?

– Дура ты.

– Хотя бы пока в больнице лежишь?

Витька посмотрел на неё и улыбнулся. И как ему только могло померещиться, что он её целует? Да был бы он нормальный мужик, берёг как сестру, пылинки сдувал.

– Хорошо, но после больницы не смей обо мне ничего узнавать – мала ещё для таких стрессов.

Почувствовав в его голосе непривычную мягкость, Катя улыбнулась.

– Витя, расскажи мне про свою жизнь.

– Вот ещё! Я сам о ней думать не желаю, и ты не зуди.

– И всё же, как так получилось, что у тебя, хорошего человека – а ты – хороший, хороший, я же чувствую – так нелепо жизнь сложилась?

– Сначала в благодетели метила, теперь – в психологи? Пил с пятнадцати лет – и допился. Вот и всё.

Как ни пыталась Катя растормошить Витю, ей удалось узнать только то, что раньше он работал шофёром и автомехаником.

* * *

Домой Катя ехала и улыбалась. Она надеялась на то, что они найдут Вите работу, он постарается держаться за неё и бросит пить. Сегодняшний вечер раскрыл характер Вити с неожиданной стороны. Ей очень хотелось ему помочь. Уж не тот ли это подвиг, о котором она мечтала? «Но все это получится, только если я буду постоянно молиться. Главное, что б он меня не выгонял, а гневными глазами пусть зыркает – это сломанная жизнь злобится, я потерплю», – думала она.

Катя считала себя бесталанной. Она пошла учиться по маминым стопам на агронома. Но не видела в этом призвания. Просто растениеводство было ей знакомо и понятно – с малолетства они с мамой сажали цветы и следили за огородом. На самом деле, у неё оказался талант психолога, или просто доброе сердце.. Может, благодаря нему в общении с Виктором она добилась определённых результатов. Он престал срываться на крик и резкие выражения, иногда даже говорил с поразительной для него душевной чуткостью, уже не прогонял девушку по пять раз за вечер. Катя заметила темы, которые не следовало пока с ним обсуждать: это брат и мама. О прошлом Витя по-прежнему рассказывал только урывками. Зато любил слушать подробности о Катиной семье. Один раз, слушая болтовню о старшем брате, он прервал её:

– Погоди, его зовут Максим? Как твоя фамилия? Дубинина? Мы знакомы с твоим братом. Тесен мир...

– Откуда ты его знаешь?

– Салагами вместе бузили, в одной шобле пьянствовали, ещё до армии. Он постарше лет на семь, всё говорил: «Не пей, Витька, это тебя брат спаивает». Я на это сразу в драку лез, благо кулаки больше выросли. Только брата твоего не особо поколотишь, он ведь единоборствами занимался... Потом-то всё плохо кончилось: кто в тюрьму попал, кто спился, а кого-то зарезали. Макса я из виду потерял... Что, правда, сейчас счастливый семьянин?

– Да, жена у него врач, очень хорошая, трое детишек. Хочешь, расскажу ему о тебе?

– Не надо! Он-то выбрался, а я – в дерьме...

* * *

– Витя, ты оброс. Давай, подстригу? – Катя задумчиво оглядела лохматую голову.

Синяки у него прошли, царапины зажили, отёчность спала, а вот волосы висели паклями.

– Умеешь?

– Умею. У мамы не получается, а у меня как-то сразу получилось. Я и папу, и братьев иногда стригу. Папа только перед важными встречами идёт в парикмахерскую. Так что?

– Нет, – Витька набычился.

– Но почему?

– Ну... не хочу, чтобы женские руки моей головы касались.

– А в парикмахерской не женские, что ли? Где ты мужские отыщешь?

Катя права. Одно время Витька к сослуживцу мотался, тот в армии классно стриг, но потом перестал ездить, потому что всё время пил; приходилось, протрезвев, в парикмахерскую наведываться, там дамочки морщились брезгливо, когда его стригли, но ему было плевать. Тогда...

– В парикмахерской – другое дело, а твои – не хочу.

– Глупый какой. До выписки далеко ещё, так и будешь патлатым? Я принесу в следующий раз всё необходимое.

И принесла ведь целый чемоданчик. Витька смирился, отдал себя в её руки. Устроились на табуретке в конце коридора, некоторые приходили поглазеть, а один тоже стричься напросился, Катя и того подстригла. Работала она, действительно, умело. Витька потом всё щупал свою голову с улыбкой вспоминая прикосновения нежных девичьих рук.

Наконец, рёбра срослись, гипс с ноги сняли, голова не кружилась, только рука на фиксации болела и с трудом двигалась – Алибек велел разрабатывать, использовать мазь, через две недели сделать контрольный снимок.

Но вот наступил день выписки. Катя приехала в больницу с утра – не пошла на занятия.

– Я довезу тебя до твоего дома – куда сейчас в этой летней обуви хромать в такую даль по грязи?

Витя согласился. Девушке как-то просто удавалось гасить его гонор на самом корню. Он подумал: «Как на самом деле зимой добрых пять километров шкандыбать в мокасинах? Она, как всегда, права». Отец Кати ещё раз ездил к мужчине на квартиру, привёз верхнюю одежду, которую удалось найти. Когда Катя принесла её, Витька нахмурился:

– Откуда?

– Папа уже второй раз у твоих соседей просит.

– И как ему мои соседи?

– Не подробничал, он у нас деликатный, лучше промолчит, если что не так.

– Молодец, я так не умею.

Катя грустно улыбнулась. Сели в машину: она – на место водителя, он – рядом. Сразу глубоко вздохнул. Одновременно посмотрели друг на друга: Витя, словно оценивая девушку в роли шофёра, Катя, пытаясь понять, что означает этот вздох – радость выписки или грусть от роли пассажира. Скорей всего, и то, и другое.

– Знаешь, куда ехать?

– Говори.

– Свечной, четырнадцать. Лучше по Восточной, там через арку во двор. Под колёса смотри. Кроме людей коты попадают.

Так и двинулись. Дорогой молчали, Витька хмурился, Катя думала. Наконец, тормознули. Она сразу повернулась к пассажиру и быстро заговорила:

– Подожди минуту, я должна тебе кое-что сказать. Мой брат Андрей, второй после Максима, он врач, заведующий клиникой в районе Березовки. Это, конечно, другой конец города, но у него есть для тебя работа.

– Какая? – хриплым голосом решил уточнить Витька.

– У них несколько машин «Скорой помощи», их обслуживает ближайший «Авторемонт» раз в неделю. Но Андрею не нравится: дорого берут, а делают на халяву. Ему нужен постоянный работник. Возьмёт тебя на испытательный срок, устроиться можно хоть завтра.

– Адрес?

Катя набрала по мобильнику сайт и показала адрес.

– Ты сразу проходи в отдел кадров. Андрей сказал, что предупредил.

– Спасибо. Только я сам поеду – ты с сегодняшнего дня исчезаешь из моей жизни, – Витька стал выбираться из машины, Катя тоже.

– И ещё, – он зажмурился с непривычки от яркого солнца. – Пообещай, что пойдёшь в церковь. Помолитесь, чтоб Господь послал тебе хорошего мужа, доброго и... непьющего. Старайся знакомиться с молодыми людьми, не тушуйся – ты умная и красивая.

Катя покраснела и ответила:

– Тогда и ты мне обещай одну вещь.

– Какую?

– Тоже сходить в церковь, помолиться обо мне.

– Тебе нужна моя молитва? – Витька искренне удивился.

– Очень.

– Если ты так просишь, схожу, только... не услышит Господь.

– Почему?

– Я сказал ему: «Отойди от меня, потому что я человек грешный...». Но схожу, попробую – за другого, за себя не смогу, только за тебя... Прощай, дай Бог тебе... не упасть, – Виктор спешно развернулся и, прихрамывая, пошёл, не оглядываясь, к подъезду.

Девушка ойкнула, достала пакет из машины, догнала мужчину, пихнула ему в руки:

– Тут пирожки, а то тебе дома покушать нечего...

Витька взял не глядя, и зашёл в парадную. Катя осталась одна.

* * *

Он очень медленно поднимался по лестнице на свой пятый этаж – лифта в их старом доме не полагалось. Подъезд стоял облезлый и вонючий, квартиры – в основном коммунальные, домофон сломался, в подвале кантовались бомжи – может, поэтому никто не покупал третью комнату... Квартира тоже выглядела уныло, ремонт в ней никогда не проводился, только у еврея обстановка была поприличнее – его цаца там убиралась, а места же общего пользования лишь изредка соприкасались с её веником. Впрочем, сам еврей когда-то признавался соседу, что держит Кралечку (так он называл свою бабу) в качестве прислуги широкого профиля, платит ей за уборку, готовку и обслуживание нужных людей в число которых попадал Витька.

Вероятно, Витькины заработанные деньги, которые он приносил «своей половине», тоже оседали в еврейском кармане. Сейчас ему уже не было противно, а тогда он ненавидел их обоих и всех клиентов-собутельников, особенно, когда понял, что он лишь один из многих.

Витька открыл дверь, зашёл. Ничего не изменилось: спёрто пахло спиртным и чем-то кислым, вдоль плинтусов лежала вековая пыль. Из апартаментов еврея доносились приглушённые голоса и музыка. Витька громко хлопнул входной дверью – музыку выключили, из комнаты нарисовалась физиономия соседа.

– О, Виктор вернулся! Мы так рады, так рады! Кралечка говорит, что передавала тебе одежду в больницу.

Витька не стал дослушивать, прошёл к себе, открыл шкаф. Водки не было. Сообразил сразу, ведь его жилище не закрывалось на замок. Вышел опять в коридор, постучал к еврею – тот выглянул испуганно.

– Кто водку стыбрил?

Худосочное лицо пошло пятнами – еврей всегда испытывал страх перед громадной фигурой соседа; из глубины комнаты вместо него ответила Кралечка:

– Витенька, это мы. Гости приходили, а на стол подать нечего. Мы вернём, непременно вернём, правда, милый?

Вот она сама, ничуть не стесняясь, вылезает нагишом из кровати, и медленно, нарочно медленно, набрасывает халат, не спешит скрыть свои прелести от обозрения. Витька багровеет, разворачивается и уходит. Вслед несётся довольный говор женщины, которая успела заметить, что он покраснел:

– Не волнуйся, Витенька, за нами не заржавеет. И в честь выздоровления твоего бутылочку поставим. А всё остальное в целости и сохранности – ничего не трогали, ничего.

И опять музыку включили. Потом Кралечка забежала по коридору, загремела сковородками, кастрюлями. Запахло щами. Витька развернул Катин свёрток, потом вышел на кухню, налил воды в кувшин, вернулся, стал пить воду и есть пироги. Ощущение он испытал удивительное: ему было и вкусно, и горько, а после последнего пирожка в горле и носу защипало. Витьке пришлось со всей силы ударить здоровым кулаком в стену, потому что водка отсутствовала – нечем глушить боль. Оставаться дома было невыносимо: к соседу пришли гости и, похоже, намечалась пьянка, в которой для него не отводилось места. Витька вспомнил про своё обещание Кате и решил пойти в храм – пока трезвый. Опять открыл шкаф, теперь, чтобы подыскать одежду, но там оказалось не густо: барахло с аварии выбросили, штаны остались одни, засаленная рубашка с протёртыми локтями, две футболки (он тогда, чтобы не муржиться, купил сразу пять штук – теперь две), даже трусов и носков запасных нет. Он подумал: «Если заработаю, надо хоть за бельём сходить в магазин». Переоделся, во что получилось, нашёл за кроватью старые кроссовки.

Шёл пешком долго – нога с непривычки отекала и болела. Но это хорошо: бывает в жизни так, что чем хуже, тем лучше. Он доплёлся до храма, сел на лавку, отдышался, потом поднялся по ступенькам. Службы в понедельник вечером не полагалось, поэтому людей набралось немного, стояла тишина. Внутри у Витьки затрепетало болезненно и хрупко:

– Боже, как хорошо!

Денег на свечи – обычная история – не нашлось просто подошёл к иконе Спасителя и с неожиданной для себя теплотой прошептал, глядя тому в глаза:

– Не оставь, Господи, рабу твою Екатерину, пусть будет у неё всё хорошо, пусть останется сердце добрым, пусть любят её родные и близкие всю жизнь. Пошли ей жениха... трезвого, верующего, любящего, чтобы жили душа в душу да деток родили, – и сглотнул скопившуюся горечь.

Вышел отец Виктор, а за ним хор. Начался акафист. Не сразу, но до мужчины дошло, что восхваляют икону Божьей Матери «Неупиваемая чаша» – его лоб покрылся испариной, сам стоял в испуге, боль в ноге замерла в ожидании. Батюшка стал помазывать маслицем от иконы, Витьке шепнул: «Останься». И он остался.

– Что с тобой произошло? – спросил после, показав на руку в гипсе.

Витька честно всё рассказал: пил так, что полз домой, его сбила машина, выжил, но лежал в больнице с переломами, сегодня выписали.

– Деньги есть?

– Н-нет, но обещают взять на работу, завтра пойду устраиваться.

Отец Виктор тут же вытащил несколько купюр и, не глядя, сунул их Витьке.

– Тебе жить на что-то надо до получки. Если сможешь, приходи потрудиться по силам – вижу, что ещё не здоров, но и для такого работёнка отыщется. Выглядишь пока неплохо – трезвость тебе к лицу. Да сходи, поройся в пожертвованиях – там и обувка имеется – может, что подойдёт.

Обратно Витька еле тащился. Ему казалось, будто ноги налились чугуном. Уж лучше бы батяня опять его отправил к матушке Варваре – домой идти не хотелось, там можно жить только пьяному. Тут в голову к нему поползли дурные мысли: «А что? Деньги в кармане, от дома в двухстах метрах магазинчик, с торца, ступеньки вниз. Я – его завсегдатай, после работы регулярно посещал: бутылка водки, хлеб, селёдка – всё как в песне! Кроме того, что селёдку не люблю, раньше брал вместо нее „Краковскую“ колбасу или кильку в томатном соусе. А ещё огурчики солёные – красота! Аж под ложечкой засосало! Катины-то пирожки давно улетучились! Решено! Возьму один бутыл, а завтра буду свеженький, не впервой. Не получится завтра, так послезавтра – не должен же сразу в запой уйти... А если и уйду, то кому какое дело? Обещание я своё сдержал – помолился. У отца Виктора потом отработаю. Ну, если не выйдет, затынет в очередной запой, так того и заслуживаю. Мерзости какие творил? Как вспомню кухню в коммуналке, пьяные рожи вокруг и себя с Кралечкой... С алкашно-развратной подноготной в Царство Небесное не попрёшь!».

Витька вздохнул, словно очнулся от тяжких дум. Он уже стоял дома, в своей комнате. Ноги пронесли мимо магазина. Возвращаться – невозможно, от нагрузки организм выл, нога посинела; Витька свалился на кровать и, не раздеваясь, забылся тревожным сном, изредка перемежающимся сладко-щемящими минутами, ни к чему определённомu не относящимися.

* * *

Катя тоже пошла вечером в свой любимый Владимирский храм. Обычно она не спеша перед началом службы ставила свечи, оставляла записки и за кого-нибудь горячо молилась у родной Владимирской иконы Божьей Матери. Потом вся служба проходила на фоне этой молитвы – становилось тепло-тепло. Катя очень дорожила подобными минутами, даже потихоньку плакала в уголке. Ей казалось, что она не заслуживает хорошей жизни, потому что горя она не хлебнула в жизни и была окружена заботой и любовью. Когда её молитвы исполнялись, она радовалась, как маленький ребёнок. Сегодня она просила за Максима, чтобы он перестал блудить, за отщепенца Андрея, за здоровье Виолетты, за стареньких бабушек и дедушек, за папу, которого мучила язва, за вразумление Маши, за безопасную службу братьев, за маму, у которой не хватает на всех силы и времени. Вот и сейчас Катя написала пять записок о здравии – с самого первого дня аварии к длинному списку стала добавлять Виктора, за него также подавала сорокоусты везде, где случалось. Потом пошла ставить свечи. У любимой иконы остановилась с самой большой свечой и сразу горячо зашептала:

– Матушка Божья Матерь, не оставь раба Божьего Виктора своей милостью. Знаю, что не спешит он к покаянию, но это потому, что не может бросить пить, а у Тебя, Матушка, и у Сына твоего Иисуса Христа помощи просить не умеет. Но Ты пожалей его, бедолагу, мне его так жалко, так жалко! Помогии ему, он ведь добрый и благородный, только когда-то всё пошло мимо. Я готова что угодно сделать, лишь бы спасти его – располагай мною, Матушка, сердцем моим и делами...

Смахивая слёзы и отходя от иконы, Катя вспомнила, что обещала помолиться о своём женихе и купила ещё свечу, вернулась к иконе.

– Ах, Матушка Богородица, не рассердись на меня, пожалуйста, молюсь ещё о себе, грешной. Одна я, жениха нет, а ведь учёбу уже заканчиваю. Что мне делать? Да и не нравится никто так, чтобы спрятаться за него хотелось. Разве только Витя, – тут почему-то её сердце затрепе-

тало. – Знаю, знаю, нельзя, – она вздохнула и продолжила: – Пошли ему, Богородительнице, жену добрую, смелую, чтоб могла жить рядом с ним, а то один он может опять пить начать...

Отходя в свой уголок, Катя думала, похожа ли эта молитва на ту, которую она обещала Вите, чтоб жених для неё нашёлся, но так и не решила.

* * *

Витя остановился напротив тридцать восьмой больницы. «И откуда такой номер? Подобного количества лечебных заведений в городе явно не насчитывалось. Та, в которой лежал с переломами, кажется, чуток побольше... Что ж, отдел кадров. За свою бурную жизнь достаточно повидал типовых кабинетов с деловыми дамочками в них. Вот сегодня с утра уже побывал в одном на старой работе. Там мило улыбаясь, сказали, что больничный, конечно, закроют, но лучше ему уволиться по собственному желанию, подлечиться, как следует, а они никаких компрометирующих записей в трудовой печатать не станут. Как будто других записей мало. Впрочем, за больничный спасибо... Теперь опять отдел кадров». Его не покидало ощущение ошибки: «Может, Катя что-то напутала?».

Девушка с длинными зелёными ногтями задумчиво оглядела Витю, он подумал: «Да брился я сегодня, брился!». При взгляде на его документы у нее слегка вытянулось лицо от удивления, затем она пощёлкала мышкой и, лениво растягивая звуки, сказала:

– Есть такое распоряжение, но вас берут на договорной основе на месяц, – сказала она испытывая его взглядом, – если устраивает, то ознакомлю с пунктами трудового соглашения. Витя кивнул, она продолжила уже быстрее:

– Восемь часов рабочего дня с восьми до пяти. С двенадцати до часа – обед в столовой для сотрудников. Еще есть буфет. Время прихода и ухода отмечается на вахте. Ваша обязанность: следить за исправностью автопарка. У нас шесть машин скорой помощи, машина персональная и грузовик, все должны быть на ходу. Если нужны запчасти, которых нет в гараже, то подавайте заявку на их покупку у завхоза. Если машина ломается на трассе, то вызывайте эвакуатор и устраняйте поломку в мастерской. Естественно, вы все оформляете документально. Зарплата выдаётся в два этапа – аванс десять тысяч пятого числа и сорок тысяч двадцать шестого. Если нет возражений, можете подписать документ.

Витя подписал и спросил:

– Когда выходить на работу?

– Завтра.

– А можно сегодня?

– Можно, но только на полдня.

– Плевать.

– Что?

– Спасибо, говорю. Как найти гараж?

– Налево до шлагбаума, там увидите табличку «Ремонт» – вам туда.

Когда Витя зашел в гараж, то у него даже дух перехватило. Он увидел восемь машин, которые теперь по сути принадлежали ему – о таком счастье мечтать опасно! Прибежал завхоз – его поставили в известность о новом сотруднике. Он объяснил, что машины прошли диагностику, показал, что и где, да ещё выдал спецовку, даже ботинки. Витя вскрикнул:

– Чтоб я так жил! Может и кормите недорого? Может, и душ есть?

Оказалось, и душ есть, и кормят приемлемо. Завхоз отметил, что особенно вкусен борщ украинский и шанежки со сметаной. Витька опять вскрикнул:

– С этим понятно! Теперь можно машины осмотреть!

Завхоз уточнил, что на выезде новые машины, им три-четыре года, а грузовик – совсем развалюха, ещё с советских времён дребезжит. Витя стал осматриваться по сторонам. Стояла

одна совершенно новая в сторонке – берегли, видимо: «Надо проверить мотор и бензобак». Другая нуждалась в мелком ремонте, а вот на двух оставшихся было и вовсе ездить опасно. Решил ими и заняться сразу.

Часа через три снова прибежал завхоз и позвал в буфет чай пить. На двоих купили кофе и ещё кой-чего. Витька хотел пару котлет съесть, так как уже проголодался, но новый знакомый шепнул, что в буфете кроме выпечки и варёных яиц лучше ничего не брать. Первые и вторые блюда хорошо в столовой, но она работает с одиннадцати до четырнадцати тридцати, а сейчас – четвёртый час. Поэтому он обошелся яйцами, кофе и бутербродами.

Вечером Витька даже уходить не хотел, так соскучился по любимой работе, но пришлось – завхоз ключи сдавал под расписку дежурной бригаде. Посетив душ и переодевшись, вышел на улицу, огляделся по сторонам, отстраняясь от автомобильных дум, и неожиданно заметил Катю, которая стояла возле своего «Форда». Губы у неё посинели, а ноги выбивали дробь – она уже слегка замерзла. Она вымученно улыбнулась Вите. Он подумал: «Вот те ладошки-оладушки, прикатали к бабушке!», подошел к ней и спросил:

– Ты что тут мёрзнешь?

– Я позвонила, хотел узнать в отделе кадров, устроился ли ты на работу. А как узнала, что ты тут уже, решила подождать чуть-чуть, чтобы у тебя спросить нравится ли здесь. Стою, жду, а тебя все нет и нет.

– Хоть в машине бы ждала!

– Там тепло, я боялась заснуть.

– Садись сейчас же, – Витя затолкал девушку в салон, сам сел тоже, взял её холодные руки в свои и сжал. Ему хотелось согреть её всю: кажется, Катя почувствовала его растерянность, даже испуг, потому что сразу покраснела. Витя перевёл дыхание и отпустил ладошки. Забурчал, скрывая радость:

– Всё хорошо, работа интересная, я ведь люблю машины, ничего лучшего пожелать не мог. Если... если не сопьюсь, то... – тут уж он замолчал, а Катя смотрела куда-то вдаль, боясь перевести на него взгляд и потерять тепло больших рук, ещё ощущаемое ладонями. Прошло полминуты.

– Хорошо, – наконец вздохнул мужчина. – Раз уж приехала, пойдём погуляем куда-нибудь. Только я ведь есть хочу, поехали сначала где-нибудь столовку отыщем.

* * *

Машина тронулась и скоро они заметили общепит. Катя с некоторой опаской проследовала за другом в столовую. Она выросла на домашней пище и с предубеждением относилась к подобным заведениям. На вопрос Вити: «Будешь что-нибудь?» поспешно замотала головой: «Я сыта». Тот пожал плечами, но настаивать не стал. Взял себе суп, второе, чай, после чего принялся поглощать вышеупомянутое с таким аппетитом, что девушка взидала на происходящее с трудно скрываемым ужасом, и ничего не вымолвила скорей от шока, чем от деликатности. Зато она окончательно согрелась, от тепла разруглянилась и уже спокойно вышла на мороз.

– У тебя появились деньги?

– ... Занял, надо же как-то жить до зарплаты.

– Поехали в Зимний парк? Там красиво.

– А не замёрзнешь? Я тебя греть не собираюсь.

– Я уже согрелась.

– Тогда пошли, но, если губы посинеют – сразу в машину.

Зимний парк считался замечательной, хотя небольшой достопримечательностью их города: в нём не росли лиственные деревья, только хвойные, стояли деревянные статуи, ска-

мейки, замерзал пруд. Они шли по заснеженным тропам, а вокруг красовались снеговики разных фасонов.

– Скоро Новый год и Рождество.

– Гм... Так сейчас пост?

– Пост.

– А я всё подряд лопаю... Ну, да ладно. Как у тебя на личном фронте? Молилась?

– Да... Смешно, но сегодня в училище мальчишка подошёл из другой группы, младше на год и пригласил Новый год встречать с его однокурсниками.

– Надеюсь, ты согласилась?

– Как я могу? Ведь пост, а у них наверняка там будет оливье, мясо, шампанское.

– То есть, отказалась?

– Сказала, после Рождества – пожалуйста.

– Давай слепим снеговика?

– Давай!

Они бодро принялись за дело, и через каких-то пятнадцать минут сад украсился ещё одним произведением искусства. В воздухе потеплело, Катя больше не мёрзла.

– Спасибо, – улыбнулся Витя.

– За что? – трепетно отозвалась она на его улыбку.

– Если б ты не появилась сегодня такая замёрзшая, я бы поехал домой. По дороге не удержался бы и купил бутылку. И... поминай как звали! А теперь гуляю, нормальной жизнью дышу...

– Но ты ведь давно уже не пьёшь?

– Это Господь что-то со мной делает, у самого меня воли никакой нет.

– Вить, можно тебя спросить?

– Спрашивай.

– Помнишь, ты пел «От юности моя...»? Чудно пел. Откуда знаешь это песнопение?

– Я многое помню и из Всенощной, и из Литургии, ведь на клиросе пел... Хорошо, в двух словах расскажу. Я тогда из тюрьмы вышел – да, не удивляйся, давно говорю тебе, я – неподходящий друг. Остался на улице – ни крыши, ни еды. Бомжевал какой-то период, а потом Бог в храм привёл, там – отец Виктор пожалел, поверил мне, жильё выбил, на работу пристроил. Я у него остался, все службы посещал, читал, пел, трудился. Хорошо жил, да мало, – он замолчал.

– А потом? – робко спросила Катя.

– Потом... «И вино веселит сердце человека...»². Не станем об этом. Тебе, пожалуй, пора домой.

– Подожди... Спой что-нибудь церковное, пожалуйста...

Мужчина посмотрел на неё, немного помолчал, потом откашлялся и тихо запел:

– Да исправится молитва моя,

Яко кадило пред Тобою,

Воздеяние руку моею

Жертва вечерняя...³ – и замолчал.

Катя нашла его руку и пожала, не зная, как ещё передать свою благодарность. Витя не отнял руку, но, подойдя к машине, сказал немного хрипло:

– Ты, вот что... Спасибо, конечно, что приехала. Но... не приезжай больше. Отец Виктор меня не смог вымолить, и тебе не по силам: молишься ведь утром, чуть позже семи, и вечером, где-то без пятнадцати десять?

– Откуда... знаешь?

² Псалом 103 (здесь и далее примечание автора)

³ Псалом 140

– Не бревно, чувствую. Не вымолить меня, гнилой я человек, гиблый алкаш со стажем – с пятнадцати лет пью, запойный уже, то есть остановиться не могу, все деньги спущу и даже тех, что нет. Нельзя тебе со мной общаться, не гожусь я ни в мужья, ни в друзья, ни в братья. Уходи, Катя, уезжай, Христом Богом прошу.

– Можно, я тебя хоть до дому довезу? Далеко ведь, нога устала – хромаешь уже.

– Нет!

– Ты...

Тогда Витя довольно грубо схватил её за руку, втолкнул в машину и захлопнул дверцу, показывая жестом, чтобы ехала.

Слёзы застили глаза Кати, она нажала на газ и резко тронулась.

* * *

А Витька пошёл на остановку, долго трясся в транспорте, растеряв в пути всю свою злобу. Вернувшись домой и зайдя в комнату, увидел у себя на столе две бутылки водки. Тут же кто-то постучался.

– Войди, – машинально ответил Витька, продолжая задумчиво любоваться сюрпризом.

Дверь открылась, на пороге показалась Кралечка во всём своём великолепии: почти искренняя улыбка, завивка на голове, платье в обтяжку с аппетитным вырезом, а на ногах не в стиль нелепо замызганные тапочки.

– Это мы вернули должок, Витенька! И приглашаем тебя на ужин: курочка-гриль, огурчики солёные, выпить найдётся. Составишь компанию?

Если бы Витька подумал, то согласился, но он успел ответить прежде чем зародилась дурная мысль:

– Пост.

– Что?

– Пост, говорю, идёт, Рождественский.

– А-а-а.

– Дверь закрой.

Кралечка, что-то пробормотав, исчезла. Витька убрал бутылки в шкаф и сразу лёг в кровать. Невероятная усталость навалилась на него. Ну и что, что сегодня не выпьет? Будет завтра, и послезавтра, и после-после... Не выдержит, Катины молитвы не помогут, он – конченный человек. Алкаш. Жизнь не изменишь. Тот, который с рожками, сумеет обхитрить. Вот, скажем, если сейчас соседка постучит ещё раз и позовет его, а потом, после первой бутылки, прижмётся своим горячим телом... Или он сам, в одиночку, приговорит бутылку и счастья покажется мало... Но соседка не приходила, не звала, поэтому Витька, уткнувшись в старую вонючую подушку лицом, завыл.

* * *

Катя, вернувшись домой, побежала к себе в комнату, упала на колени перед иконой, опять заплакала; молитва не шла, не теплила сердце, вырывались одни рыдания. Но, вероятно, эмоциональное обращение Господь принял: Витька в этот вечер остался трезвым.

Весь следующий день Катя мучилась: «Ехать или не ехать к Вите?». В конце концов налила в термос суп, взяла хлеб, чай, постное печенье и к семнадцати часам отправилась с мыслями: «Прогонит, так прогонит». Витя, выйдя после работы за ворота, сразу увидел Катин Ford и её саму, сидевшую за рулём – она не осмеливалась выйти, а только глядела на него через лобовое стекло. Сердце у него зануло от радости. Он подошёл и сел в машину.

– Приехала-таки, не испугалась – я ведь вчера нагрубил, прости.

– А я... тебе поесть принесла. Вот суп – правда, постный – и чай. Будешь?

– Буду, коли не шутишь. Ничего, что постный, у отца Виктора я целый месяц постные щи да кашу хлебал.

Витя взял еду и заглотил с аппетитом – обед давно переработался, есть хотелось. Катя улыбнулась, на сердце становилось легче, дыхание выравнилось.

– Хочу тебя в наш храм свозить, Владимирской иконы Божьей Матери – я его очень люблю и молюсь именно там. Там лучше, чем дома получается.

– Хорошо, покатили, – неожиданно легко согласился Витя.

Они приехали, Катя накупила свечей и поделилась с другом, который прошептал: «Я свечи никогда не ставил, вечно денег не хватало». Началась служба, они простояли до конца, а потом она довезла его до дома. Уже выйдя из автомобиля, Витя притормозил:

– Подожди меня, пожалуйста, мне кое-что надо тебе дать.

Катя недоумевала: «Может, решил костыли вернуть?». Витя вернулся с оттопыренными карманами куртки.

– Возьми, – он вытащил две бутылки водки. – Делай с ними, что посчитаешь нужным, можешь вылить – у меня рука не поднимается...

* * *

А дальше наступили Новый год и Рождество.

Катя эти праздники проводила с домашними, Витя пошёл на ночную Новогоднюю службу к отцу Виктору. Батюшка благословил его на клирос, хоть он не участвовал в спевке (регент с неодобрением относилась к подобным благословениям, но новый певчий предпочёл не обращать внимания на мелочи – душа ликовала, голос звучал). После службы его пригласили в трапезную на постный ночной ужин. Раньше Витя и гречневой каше радовался, а когда перестал пить, всё время хотел есть и сам себе удивлялся: «К водке достаточно бутерброда на закуску, а теперь трёхразовое или двухразовое питание подавай!».

– Как живёшь, тёзка? – обратился к нему батюшка за столом.

– Слава Богу, отец Виктор! Работа есть интересная, я теперь машины ремонтирую при больнице.

– А я смотрю, прилично выглядишь. Не пьёшь?

– Так ведь не на что, ещё не заработал.

– И соседи не угощают?

– Они меня сторонятся после больницы. Пару раз приглашали, да я ляпнул им, что пост сейчас. А еврея напугал, что теперь от водки бешенный становлюсь, всё вокруг крушу, могу и зашибить ненароком. Плохо, да, что соврал? Зато больше не лезут, а то один соблазн с ними.

– Причаститься надо. Давай на Рождество? Готовься, в Сочельник особенно попостись.

– Сурово бьёшь, батяня.

– А что делать? – с тобой только так и надо.

– Я ж, батя, каждый день, как по лезвию ножа: сорвусь-не сорвусь. И давно сорвался, если бы Катя за меня не молилась.

– Какая Катя? Почему до сих пор молчал?

Витя неожиданно покраснел.

– Ты не то подумал, отец. Она мне, как сестра – друг, одним словом. Сбила на машине, а потом в больницу бегала, лекарства доставала, пироги носила.

– Сколько ей лет?

– Двадцать один, а выглядит на семнадцать – девочка совсем, чистая душа, за всех молится, и за меня тоже, как за заблудшего, подвиг совершить хочет.

- Слушай, приди как-нибудь с этой Екатериной, я поговорить с ней хочу.
- Хорошо, отец, как скажешь.

На Рождество Витя опять пел на клиросе, причастился, нога чуть поутихла, и синева спадала. Прежняя жизнь цеплялась костлявыми пальцами за сердце и душу. Ей хотелось отдалиться со всеми потрохами, но она пришибленно затаилась.

Встречи Вити и Кати вошли в режим: они не виделись в среду, субботу и воскресенье, эти дни Катя проводила с семьёй и подругами, Витя после работы – в храме, где остро нуждались в мужских руках (уборка территории, стройка, ремонт, дрова). Рука и нога всё ещё побаливали, особенно вечером, а голова перестала. В другие дни Катя подъезжала к больнице к концу работы, и они находили себе дело по душе. Сперва девушка привозила суп, котлеты, пирожки, но через пару дней Витя сказал:

- Не надо.
- Но почему?
- Не хочу привыкать к домашней еде – вкусно, расслабляет. Да, и так я уже жру, как боров, а всё мало.

Сговорились на термосе с чаем и бутербродах – и то, если она присоединится.

Как-то Витя не вытерпел Катиной манеры водить машину:

– Ну, что ты всё время дёргаешь коробку передач? А на тормоз жмёшь, будто из-под колёс котятка выскакивают? Вот что, поехали на поле, где меня отец учил водить, потренируемся.

Катя обрадовалась – это ж как интересно!

- Вить, давай твои права восстановим?
- Зачем они мне нужны, самокат водить? Надо будет, быстро сделаю, права просто просрочены. Ну, на медкомиссию деньги нужны.

Приехали на окраину города, где начиналось поле с лесопосадками. Тут Витя довольно сурово стал гонять Катю по вождению, пока она не научилась мягко трогать и останавливаться.

Обратный путь лежал мимо крупного завода.

– Здесь отец мой работал, в автомастерской при заводе... И ещё один очень хороший мужик.

- Хочешь зайти?
- Боюсь. Я ведь как с пятнадцати лет слетел с катушек, отец помер, я сюда не ногой, а ведь был дяде Серёже как сын, у него родни – никого.
- Давай попробуем, будь что будет.

Они пошли, но только до вахты – теперь строго, никакой пацан не прорвётся. Вахтерша сказала:

– Такой не работает. В таксопарке – молодые парни Федя и Женя. Вы в отдел кадров позвоните, уточните.

Витя хотел развернуться, но Катя попросила номер телефона отдела кадров и тут же позвонила со своего сотового.

– Умер, говорят, лет пять назад. Погоди, надо узнать, где он похоронен, сходить на могилу.

Витя махнул рукой:

- Я у родителей век не был, а ты хочешь, чтоб к дяде Серёже дрогнул
- Но ведь это просто, надо съездить. Ты мне скажи его ФИО, что ещё знаешь, может, адрес помнишь, я через брата попробую выяснить, где его похоронили. И к твоим родителям сходим, приберёмся.
- Да, к родителям надо, душа изболелась. Может, хоть брат следит за могилой?
- Ты мне совсем не рассказываешь о своей семье.
- Потом как-нибудь, Катя, тяжело.
- Хорошо, я подожду.

* * *

На Крещение Витя позвал девушку в храм к отцу Виктору. Катя и сама очень хотела у него побывать, только сначала нужно было отпроситься у родных. В последнее время девушка изменилась, уже не выбалтывала маме новости, предпочитала молчать о встречах с Витей. Потому что их общение стало личным и ей уже не требовалось, да и не хотелось консультироваться с мамой. Вдруг та неправильно поймет дочку. Однако, если бы Катя оказалась чуть внимательнее, то поняла, что родители замечают её ежедневные поздние возвращения и отсутствие бурных обсуждений, просто пока... ждут.

– Мама, я на Крещение на Всенощную хочу съездить в другой храм. Вы ведь меня отпустите?

– В какой?

– В Благовещенский к отцу Виктору.

– Что вдруг туда?

– Маленькое паломничество. Ну, пожалуйста...

– Эх, доченька, нам тебя будет не хватать, но ты уже большая, поступай, как считаешь нужным.

Разрешение немного вымученное, любовь к родителям отходила на второй план.

Катя и Витя приехали в храм, когда батюшка кадил. Простояли рядом, боясь спугнуть нечто вокруг и между ними. Служба красивая, песнопения душевные; Катя всё косилась на друга: «Не хочет ли петь?» Тот и правда, иногда губами шевелил. После мужчина познакомил отца Виктора с Катей.

– Значит, это вы моего прихожанина сбили? – батюшка улыбнулся.

– Я, – покраснела девушка.

– Что ж, выходит, не зря я за него молился.

– Вот, получается, кого я должен благодарить за свои переломанные кости? – покачал головой Витя.

– А ты как думаешь? У Бога всё строго. Сам соображай. Где был бы сейчас, если б не авария?

– Что тут соображать? И так ясно. Впрочем, меня могло уже не быть.

– То-то и оно, благодарите Бога за всё. И ты, Екатерина, благодари – неизвестно, где и ты была бы без этой аварии.

– Я знаю! Я была бы на вершине своего великолепия!

– Вот-вот, – все трое заулыбались.

– Ну-ка, расскажи мне, радость моя, о себе. Давно ли в храме? Что за семья? Кем стать собираешься?

– Я в этом году заканчиваю факультет садоводства в училище растениеводства – мама в своё время его закончила, но работать у неё не получилось, а цветы она всю жизнь выращивает, огород сажает. Папа у меня военный юрист, воевал, ещё содержал школу единоборств – он разносторонняя личность, очень умный – вся семья его любит. Кажется, папа должен радеть за дисциплину, но на самом деле мама строже. Может, потому, что воспитание детей на ней. У меня шесть братьев и сестра, мы дружим – вот Витя завидует, говорит, что я – счастливая, а я не спорю. Старшие почти все семейные, только сестра – школьница, да два брата в армии. Я, кажется, все время провожу в храме. Не помню, чтобы бывала где-то еще. У нас в группе есть неверующие, даже некрещённые – не знаю, как они живут...

Отец Виктор выглядел озабоченным, словно что-то обдумывал, однако отпустил молодёжь с Богом. Когда сели в машину, Катя извиняющимся тоном спросила:

– Можно, я завтра с родными на службу пойду, а то мама немного грустит без меня?

– Я тебе уже говорил, что можешь распоряжаться своим временем, как сочтёшь нужным, я тебе не муж и не брат, чтобы указывать.

Катю неприятно покорибила такая речь, ведь только что стояли в храме рядышком как одно целое, и вдруг... Доехали молча и распрощались сухо.

* * *

Дома Витьку ждали недопитый кефир и полбуханки хлеба. Может, зря он от супа отказывается? В квартире тихо, соседи не гудят, Кралечка халат не распахивает. Витька разделся и, не смущаясь, в семейниках и майке пошёл в ванную, где долго стоял под душем, не думая о том, положено или нет в Крещение холодной водой грехи смывать. Потом вернулся в комнату, так никого не встретив, проглотил кефир с хлебом, лёг в кровать. Долго не спалось, внутри ныло, крутило, дурманилось: «Плывать на всех; сейчас встану, оденусь и смогаюсь в „24 часа“, денег чуток заработал». С первого аванса Витька купил себе куртку и шапку, остальное подыскал в пожертвованиях; сдачу кономил на еду, транспорт и непредвиденные расходы. Хотел Катю куда-нибудь сводить: в театр или на хоккей. «Нет, не нужно, мне нужно другое: встать, пойти в магазин», – с этой мыслью Витька заснул, а наутро поехал в храм, чтобы с обеда успеть на работу: «Пусть ставят полдня, машины в порядке». Отец Виктор опять благословил его петь – у Витьки не числилось за душой даже музыкальной школы, но слух идеальный и голос выразительный достались, наверное, от бабушек-дедушек или других предков, родители ведь никогда не пели. После службы, когда раздавали святую воду, батюшка позвал певца и вручил ему бутылку крещенской.

– Покропишь комнату и квартиру. И будешь пить прямо стаканами, когда припрёт. Часто водочки хочется?

– Всё время.

– Вот, а ты – крещенскую пей. Да Евангелие читай, пока не отпустит. Сохранилось то Евангелие, что я дарил?

– Сохранилось.

– Читай, каждый день читай. И ещё, – батюшка помолчал, Витька ждал. – Как у тебя с женщинами?

– Никак. Как я с соседкой жил, исповедался в Рождество, так это почти три года назад.

– Хочется?

– Хочется.

– Держись, сын мой. Катю не обидь.

– Катю? Да ты что, батя – она ж девчонка совсем, губы синеют, и... не в моём вкусе.

– Вот-вот, я о том же... Вдруг полюбит тебя?

– Меня? Да я ж алкаш, рожа спитая, и вообще...

– Это ты раньше опухший приходил, а сейчас видным парнем стал – в зеркало-то погляди. Вот я тебя и предупреждаю: девки начнут приставать – не поддавайся, водка и блуд – грехи липкие. А про Катю скажу так: девушка хорошая, чистая, боголюбивая, если с такой согрешишь, то уж лучше спиться. Поэтому сразу реши: не готов жениться, расстанься, – последние слова отец Виктор говорил быстро, резко, отрывисто, почти не глядя на собеседника, а Витька краснел так, как, наверное, краснел только в глубоком детстве.

Он и на улицу вышел весь красный, на работу приехал не в духе, полдня возился с грузовиком, хмуря брови и скрежеща зубами. После трудов праведных задержался, чтобы Катя, не дождавшись его, уехала – он не готов её видеть. Но девушки не было, и Витька поехал на трамвае. Дома кефир и хлеб закончились, в магазин за продуктами он не зашёл, но даже радовался этому – голод перебивал другие мысли. Витя выпил стакан крещенской воды, достал запывившуюся книгу, начал читать, хотя ничего не понимал. Потом сразу бухнулся в кровать

и заснул, но спал плохо, вскрикивал, пару раз соскакивал, пил воду, снова ложился. Утром встал не выспавшийся и хмурый, опять поехал на работу.

Легко сказать: «Уйди от Кати и не общайся», – он уже миллион раз пытался. Но что и кто у него останется без неё? Интересная работа и храм два раза в неделю: по сравнению с прошлой нетрезвой жизнью – много, по сравнению с послеаварийным периодом – мало. Он размышлял: «Может, батюшка – паникёр? Куда мне? Смешно. Я и Катя? Ей жених нужен. Хороший. Срочно». И вдруг опять перед глазами видение, как наклоняется над Катиным лицом и целует её в губы. Чуть не вскрикнул: «Да что ж это такое! Аж пот прошиб. Правду, видно, говорят, что дружба между мужчиной и женщиной невозможна. Нет, неправда, всё будет хорошо: выдам Катю замуж, подружусь с её семьёй. Может, в крёстные возьмут?». На этой мысли Витя повеселел и, когда вечером увидел девушку в машине, абсолютно спокойно подошёл. Они направились гулять, заглянув для начала в общепит – как только Витя успокоился, в нём разыграл волчий аппетит, потому что ничего не ел со вчерашнего дня, а Катя термос не привезла.

– Как поживает твой знакомый, который тебя на Новый год приглашал?

– Я же не пошла, он теперь за Светой ухаживает.

– Ну, и плюнь на него. Ты, видать, плохо молилась. Родители тебя в гости, на вечеринки берут?

– Они знают, что я подобного не люблю.

– А теперь напросись. Обещаешь?

– Зачем? Я же некрасивая. Кто на меня внимание обратит?

Витя поперхнулся:

– Кто тебе такое сказал? Морду набью тому. Второй раз от тебя подобную ерунду слышу.

Красивая ты, глаза вон какие громадные, и вообще – верь давай! А то я сам займусь сватовством.

Грустная до сих пор Катя улыбнулась.

– Тогда и я тебя за кого-нибудь сосватаю.

– Вот ещё! Я – другое дело! За меня не волнуйся, – фыркнул Витя.

– Почему же? Кто тебя кормить будет и прогуливать?

– А я подружусь с твоим мужем и стану крёстным вашему сыну, буду с ним гулять.

– Здорово придумал.

– Конечно, здорово, – оба засмеялись.

* * *

Прошло недели две. Катя с Витей продолжали встречаться. Она опять стала привозить иногда суп, иногда котлеты, они вместе перекусывали, после шли либо гулять, либо по делам. Пару раз ездили на пустырь, где Витя обучал девушку вождению, а потом она давала ему поручить и улыбалась, видя на его лице блаженное выражение. Мужчина поправился, медики сняли повязку с его руки, только нога ещё побаливала, а потому он прихрамывал. Начав получать деньги, приоделся. Один раз они сходили на службу в храм Владимирской иконы Божьей Матери, с определённой целью.

– Ходят же к вам молодые люди? – Витя настроился оптимизировать процесс.

– Некоторых я знаю, – вроде согласилась Катя.

– Вон тот блондин?

– Это Сёма, Семён, – почему-то развеселилась девушка.

– Почему с ним не дружишь?

– Мы в воскресной школе вместе учились. У него мама – регент.

– Отлично, надо общаться. Давай познакомимся.

– Ой, Витя, ты смешной. Я, конечно, могу вас познакомить, но замуж за него не пойду.

- Почему?
- Не нравится. У него кожа такая бледная, что мне даже страшно.
- Ну, что ж, бывает. А вон тот, чернявый?
- Он ведь красавчик! Такому красивая жена нужна.
- Много ты понимаешь, – буркнул, начиная сердиться.
- Ты сам ничего не понимаешь, – в тон ему ответила Катя.
- Не будем ссориться. С родителями ходила в гости?
- Глубокий вздох:
- Ходила.
- Молодец. Были там молодые люди?
- Да... уж.
- Что? Познакомилась с кем-нибудь?
- Давай я тебе на улице объясню.
- Ты, оказывается, привереда: и в церкви молодые люди не те, и в гостях. Там что не так?
- Там... танцевать приглашают.
- И что?
- Я не могу. Чужой парень прикасается, оказывается так близко, ещё руку на талию кладёт – кошмар! Я больше не буду ни с кем танцевать. Мне противно!
- Да-а-а... Выходит, когда я твои руки грел, тоже противно было?
- Нет, твои не противно.
- Не ври.
- Никогда не вру.

Они замолчали. В другой раз съездили к отцу Виктору на службу. Тот, глядя на их сияющие физиономии, только головой покачал. Потом посетили кладбище, привели в порядок могилы родителей Вити, удалось обнаружить могилу дяди Серёжи, да и могилу бабушки Катиной не обошли стороной. На обратном пути Витя опять грел руки девушки.

- Что ж ты мерзлячка такая?
- Не знаю.

Шли и молчали. Молчали оттого, что дышалось легко. Витя не ожидал, что сможет спокойно и смиренно чувствовать себя на могилах. Сели на лавочку, достали термос с чаем, бутерброды. Витя укрыл своей курткой мёрзнувшую девушку, заставил её выпить три кружки кипятка. Она спросил:

- Почему вы с братом не общаетесь?

Витя не сразу ответил. И там, на могиле родителей, и сейчас, возвращаясь мыслями к брату, он уже не чувствовал жгучей ненависти к нему: перегорело, переболело, затянулось рубцом на сердце. Теперь можно и рассказать.

* * *

Родители, в большей степени мама, не выдержали. За вечерним чаем, который они пили вчетвером с Катей и младшей дочерью Машей, Алёна Борисовна спросила:

– Катюша, ты у нас, конечно, уже взрослая девушка, но мы остаёмся родителями, нам хочется знать, с кем и где ты проводишь практически все вечера на неделе? Мы с отцом видим, что ты изменилась, стала задумчивой, неразговорчивой, готовкой увлеклась. Может, у тебя появился парень? Скажи нам, не скрытничай, не стыдись. Мы постараемся понять.

Катя покраснела и подумала: «Да, давно пора объясниться! Я ведь с Витей так счастлива! Но в своём счастье я – эгоистка – забыла о волнении родителей!»

– Он – не парень. Он просто друг. Как-то так получилось, что мы подружились. Я прошу разрешить мне встречаться с ним – для меня наше общение очень важно.

Отец деликатно спросил:

– И кто сей друг? Мы с ним знакомы?

– Виктор, которого я сбила.

Возникла неловкая пауза, потом хихикнула Маша.

– То есть ты хочешь сказать, – отец решил уточнить, – тот мужчина, которого ты сбила, потому что он был настолько пьян, что не мог держаться на ногах и передвигался на четвереньках, и которого ты навещала в больнице, а потом устроила на работу к Андрею – теперь твой друг?

– Да, папочка.

Поражённый отец замолчал, а инициативу взяла в свои руки мама:

– Что же, сейчас он не выпивает?

– Нет.

– Пьяницы так просто не исправляются, – подал реплику Константин Сергеевич. – Они вообще не исправляются.

– И чем, прости, вы занимаетесь? Нам, доча, интересно, ведь вы такие разные люди... – попробовала деликатно прощупать почву Алёна.

– Что вы! Витя – самый интересный человек из всего моего окружения! Мы... гуляем по парку, ходим в церковь, он меня учит водить...

– Учит? Как и где? – опять вставил папа.

– За городом, на пустыре, где раньше лес сажали.

– То есть ты со взрослым мужчиной где-то за городом остаёшься наедине – и не боишься? – поперхнулась воздухом мама.

– Что вы! Я же с Витей! Он меня в обиду не даст. И потом, я плохо вожу, резко дёргаюсь, паркуюсь неумело, а Витя – он в машинах ас: и водит плавно, и чинит. Вот он меня учит, а то, говорит, выйдешь замуж, детей надо возить, дело тонкое.

– Он тебя замуж выдать хочет? – решил уточнить папа.

– Хочет. Всё женихов мне отыскивает.

– И как?

– Пока никак.

– Вот что, дочка, приведи-ка Виктора Андреевича к нам, надо познакомиться поближе. Что это за друг, который вдруг резко пить перестал? Воскресным вечером пригласи на чай.

– Хорошо, папочка. Тогда надо Максима будет позвать.

– Зачем Максима?

– Витя говорит, они по молодости знакомы были, вместе куролесили. Вите полезно сейчас с братом моим поговорить, а то он всё не верит, что сможет жить нормально.

– А ты считаешь, что сможет? – мама скептически изогнула бровь.

– Конечно, сможет – он только когда один, расслабляется, а когда рядом человек...

– Какой такой человек?.. – не поняла Алёна, а Костя, прекращая беседу, встал из-за стола и велел семье расходиться.

* * *

Когда Катя передала Вите приглашение в гости, тот нахмурился:

– Я этого ждал. Значит, всё...

– Что «всё»? Ты чего, Витя?

– Сама пойми, разве нормальные родители разрешат дочери дружить с таким, как я?

– У меня умные родители.

– Настолько умные, что скажут: «Дружи с пьяницей, он тебя чему-нибудь научит»? Я бы сам не разрешил. Ну, да ладно, чему быть, того не миновать. Приду.

Витя не стал объяснять, что последние дни живёт в страхе от того, что нынешняя трезвая жизнь с любимой работой и Катей закончится, как приятный сон. Он думал так: «Слишком уж мне хорошо! А моя толстая задница счастья не заслуживает!»

Несколько раз на него нападало острое желание выпить. Но, пользуясь советом отца Виктора, он хватался за крещенскую воду и Евангелие. Или плюхался на колени перед единственной маленькой иконкой и выл, стуча головой о пол. В такие моменты, пожалуй, соседи пугались. Зато ему становилось легче. Бутыль отдалялся от него и маячил вдалеке.

Он понимал, что встречи с Катей не могли долго продолжаться. И родители её вправе знать о том, с кем она проводит время. Он был уверен, что они дадут ему оставить её в покое. Девушке из хорошей семьи лучше найти других друзей. Да разве сам он этого не знает? Знал. От того и гнал Катю все это время от себя. А теперь вот жить без неё не мог: «Прав батя! Да что толку! Выпить, что ли, завтра для храбрости хоть рюмашечку?».

Воскресным вечером Катя съездила за Витей и впервые повезла его к себе домой на Большую Журавлиху. Он понимал, что свои двадцать один год она прожила с родителями, давно привыкла к кованной ограде с кирпичным забором, саду и огороду, ёлкам и соснам, к их большому участку, уютному жилью, и даже, что сейчас пыталась смотреть на всё глазами друга из коммунальной квартиры, но легче от этого не становилось.

– Значит, здесь твой дом? – спросил, чуть не зажмурив глаза.

– Да. Зимой у нас не так красиво, как весной и летом, но всё равно неплохо. Нравится?

– Н-да...

Они поднялись на крыльцо. На пороге их встретила хозяйка. Катя подвела Витю.

– Мама, познакомься, это Виктор. Моя мама, Алёна Борисовна.

Витя не заготовил никаких дежурных фраз, столь принятых при знакомстве, не принёс с собой цветов и торта, даже не смог выдать из себя «Очень приятно» или «Какой у вас хороший дом» – в горле пересохло, он только кивнул и поцеловал Алёну Борисовну руку.

– Проходите в гостиную, там отец и Маша. Максим вот-вот подъедет, а я за пирогом послежу, чтоб не сгорел.

Катя и Витя сняли верхнюю одежду, прошли в большую комнату: глава семейства сидел за компьютером, Маша читала книгу – они поднялись, чтобы встретить гостя.

– Папа, Маша, это – Виктор. Это – мой папа, Константин Сергеевич, и сестра Мария.

Мужчины молча обменялись рукопожатиями, Маше Витя что-то буркнул, отирая потные руки о брюки.

– Пока мама на стол накрывает, ты, Катюша, покажи молодому человеку дом и участок.

Катя повела друга по дому, но едва они вышли из гостиной, он схватил её за руку:

– Не надо, лучше – на улицу.

Они опять оделись, вышли во двор, обошли дом, у сарая Витя остановился, присел на чурбан.

– Вить, что с тобой?

– Ничего, давай здесь подождём.

Катя чувствовала, что тот в отчаянии и даже побледнел. Ей захотелось приободрить его, она взяла его за руку и погладила.

– Они у меня все очень хорошие.

– Я вижу. Ты, оказывается, на маму похожа, а сестра – на папу.

– Все говорят, что папа очень красивый.

– Да, наверное, так и есть.

Они поговорили ещё минут десять, а потом услышали шум въезжающей машины.

– Это Максим! Пошли встречать, – Катя потащила Витю за собой, тот повиновался.

Максим вышел из машины. Он был таким же высоким и красивым, как отец. Таких называют видными мужчинами. Ему исполнилось тридцать три года, они не виделись с Витей лет восемь, однако узнали друг друга сразу и обнялись, как старые знакомые.

– Витька! Действительно ты! Когда Катя мне сказала, я поверить не мог – думал, все наши плохо кончили: кто – в тюрьме, кого и в живых нет.

Катя правильно сделала, что позвала Максима, Вите сразу стало легче.

– Проходите в дом, – пропела девушка, но друзья о чём-то говорили, и она, оставив их наедине, вернулась в тепло, стала помогать накрывать стол. Мама постаралась, приготовила ужин на славу.

– Где мужчины?

– Иди, мама, позови их, тебя послушаются.

Алёна позвала, и её послушались. Прочитали молитву, сели за стол, Катя прошептала Вите: «Может, будешь суп?» – подали только второе – картошку с тушёным мясом, да салаты, а суп подразумевался обеденным блюдом. «Смилуйся», – также шёпотом ответил её товарищ.

Константин Сергеевич бросил взгляд на мужчин:

– Как я понимаю, Максим и Виктор знакомы?

– Да, – бодро ответил старший сын, – знакомы... со времён бурной бесшабашной молодости. Меня колбасило по одному поводу, Витьку – по-другому. Он ведь до армии ещё с нами корефанился, салага совсем! Есть, что вспомнить!

– Половина моих седин с тех пор, – грустно вздохнул хозяин.

– Это понимаешь только когда сам становишься отцом, – в тон ему повторил Максим и очаровательно улыбнулся.

– А ваши родители, Виктор, живы? – обратилась Алёна Борисовна к гостю.

– Нет, мама умерла, когда я сидел в тюрьме, а отец – гораздо раньше.

– Вы сидели в тюрьме? – не удержалась от выражения изумления хозяйка.

– Я... должен – я понимаю, что должен – рассказать вам о своей жизни подробнее, чтобы вы знали, с кем дружит ваша дочь и сестра, и решить, можете ли вы ей это позволить...

Он обвёл глазами присутствующих: её отец смотрел выжидающе, Алёна Борисовна – с испугом, Мария – с нескрываемым любопытством, Максим – ободряюще. А с Катей он не стал встречаться взглядом. Дальше Витя рассказывал, опустив глаза в свою нетронутую порцию.

– Мои родители поженились поздно. Маме было за тридцать. Отцу – пятьдесят. Оба детдомовские. У папы родители на войне погибли. У мамы – лишены родительских прав как алкоголики. Она попала в детдом уже в двенадцать лет. Возможно, такая наследственность повлияла на моё пристрастие... Отец шофёрил и меня ещё пацаном научил. Я рос у него в автопарке. Там хозяйничал дядя Серёжа, ныне покойный. Он относился ко мне, как к сыну, и научил основам мастерства.

– Помню, ты всегда наш мопед чинил! – перебил Максим.

– Но потом отец заболел и умер, – продолжал Витя. – Мама ушла с работы в детсаде и ухаживала за отцом. А после его смерти сильно сдала. Мне сказала: «Во всём слушайся брата, он знает, как надо жить». Она очень его любила. Брат – на три года старше, умный и хитрый. А я – тюфяк! Это он научил меня пить, и пить много: «Чтобы, как большой». Приносил шампанское, вино, пиво и подначивал: «Сможешь выпить всю бутылку или слабак?». Для меня не было тогда ничего страшнее, чем оказаться слабаком перед старшим братом. А он на мне опыты проводил, что можно пить, что не стоит, и в каких количествах потом в компании. Я же быстро привык... Где-то в это время мы познакомились с Максимом.

– Я говорил тебе тогда, что брат тебя спаивает, а ты не верил, драться лез.

– Немного меня спасла армия – единственно время, за которое не стыдно: я шофёрил и получил кучу благодарностей за службу. Но когда демобилизовался – всё вернулось на круги своя. Правда, ненадолго. Меня посадили по 158 статье за кражу. До сих пор не знаю, что

и у кого я украл. Сперва, дурак, ничего не понял – ну, думаю, разберутся, брат поможет! У меня же алиби – пьянствовал! Но в ходе следствия, а потом и суда с ужасом понял – брат меня подставил. Эта боль за те два года, что сидел, превратилась в ненависть. Ко мне никто не приходил на свидание – ни мать, ни брат, и если я не озверел за это время, то только по милости Божией. Держались вместе с Мойшей, которого тоже свои подставили, но это другая история... Оказалось, мама умерла, пока я сидел. А ведь мы плохо расстались: она плакала, упрекала меня в том, что я пьяница и вор, порчу жизнь брату... После ее смерти брат продал нашу квартиру, а мне сказал, что моя доля от продажи ушла в счет погашения нанесенного ущерба. владельцу пропавшего с фурой товара. Сам он женился и жил у жены, а со мной разговаривал через дверь. Он повторил то же, что и мама, что я вор, пьяница. Потом добавил, что это я сгубил мать, будто из-за меня она умерла. Сказал, что поэтому он не желает меня знать... Так я стал бомжом.

Константин Сергеевич кашлянул:

– Как юрист, могу заявить, что ваше дело можно поднять и пересмотреть.

– Бессмысленно. Брат приносил мне всякие бумажки и я, пьяный, подписывал, не глядя всё... – Витя хрипло, будто пробивая ком в горле, рассказал незадавшуюся историю своей молодости: и о тюрьме, и о предательстве брата, и о том, как бомжевал.

Было ли ему стыдно – не знал, смог бы по-другому – не знал, облегчил ли душу – не знал, знал лишь, что это – его жизнь. Он даже не был уверен, что жизнь эта – в прошлом...

– В тот день, когда меня сбила Катя, на работе организовали банкет, и я, на радостях от количества халявной выпивки, перебрал, мягко говоря. Коли бы дополз до дома, ушёл в запой... Вот, пожалуй, и вся моя неприглядная автобиография...

Если бы Витя посмотрел сейчас на Катю, то увидел бурю чувств, бушующих в её душе. Он никогда не рассказывал ей о себе так детально, как сделал сейчас перед впервые виденными им людьми. Обычно он говорил: «Потом как-нибудь» или «Больно вспоминать». Сейчас девушка поняла, насколько больно. Но он рассказал, смог, переступил через свой стыд, память, обиду, ненависть, страх! Как же она любит его, как за него болит сердце!

Все молчали, положение опять спас Максим:

– Не в службу, а в дружбу, Витя, посмотри мою «старушку-побегушку». Она довольно дряхленькая, но я так к ней привязался, что не хочу другой. Да и память от деда – он подарил. Если можно на ней хоть пару лет пошкандыбарить, скажи! Готов любые деньги заплатить, чтобы она ещё потянула.

Мужчины вышли.

– Мне её дед на окончание школы подарил, правда, не новую – считал, что разбивать можно и такую.

– Я помню, ты ж тогда всех катал, девок особенно. Ещё в столб врезались: «Не садись, Макс, нетрезвым за руль»!

– Точно, а я уже и забыл. Это была первая, или нет, вторая, или третья авария – эх, сколько раз я разбивал её! Вот, смотри, – мужчина стал объяснять, где барахлит.

Витя занялся осмотром автомобиля, Дубинин притащил чурку и уселся рядом. Несколько минут никто ничего не говорил. Наконец, Максим тихо спросил:

– У тебя с Катюхой серьёзно? Или она просто зависла?

Витя на мгновение замер. Хотя, в общем-то, ожидал чего-нибудь подобного.

– Ты ж под дых бьёшь своим вопросом... Ну какой из меня жених с судимостью, запойной физиологией, сомнительными родственниками и ещё более сомнительными перспективами на будущее?

– Да уж... Биография на передового труженика села не тянет. Впрочем, у меня такая же.

– Ладно, ты ж не запойный, небось до сих пор распить бутылку с друзьями можешь?

– Могу, если возникнет необходимость. Но такое редко теперь случается. Друзья-то другие, да и работа у меня с детьми. Но было дело, я покончить с жизнью хотел.

– Чего?!

– Расскажу, если интересно.

– Очень!

– Я влюбился в Ленушку с первого взгляда. А ведь ты же помнишь, какой я был мажор – денег дед давал, сколько хочешь, любил меня, подлеца. Я все спускал на вино и проститутток. Что бы дальше со мной случилось, и гадать нет необходимости: или путь Куклы, или Стопаря.

– А что с ними стало?

– Не знаешь? Куклу в тюрьме порезали – его в закрытом гробу хоронили. А Стопарь сам утопился – спяну полез купаться в холодную реку, тело так и не нашли. Оба до тридцати не дожили. И оба, если помнишь, единственные отпрыски олигархов. Я сам покуролесил по стране: и на Кольском побывал, и в Антарктиде, и на Таймыре, но от себя не убежишь – водка и женщины везде найдутся. Вернулся домой в двадцать пять. Заметил, что к бабушке ходит студентка капельницы ставить из деревни. Сама в мед поступила, учится, работает – умница, одним словом. А тут я – мажор, нетрезвый матершиник. Меня здорово корёжило: оказалось, любить сердцем сложно, не то, что похоть удовлетворять. Я сломался, предал её, себя, свою любовь. Лена, хуже и быть не могло, увидела меня с другой, сразу уехала, а я решил умереть. Только как? Застрелиться, броситься под поезд, повеситься? Вот если бы ты решил умереть, что бы выбрал?

– Никогда не думал об этом – мерзко.

– Э-э, не скажи. Пьяницы подспудно стремятся исключить себя из жизни – не получается у них консенсуса. Вот и я решил пить, пока не помру. Притащил к себе всё спиртное из подвала: коллекционное вино, виски, коньяк. Единственное, что меня волновало, не хотелось, чтобы меня нашли обоссанного, поэтому приволок биотуалет – думал, пока буду в состоянии, ссать туда смогу. Вот ведь умник!

– И что дальше? – у Виктора всё замерло внутри, будто про него шёл разговор. Что бы он сделал, если б Катя застала его пьяным, да с соседкой?

– А дальше – ад со всеми полагающимися атрибутами: забытием, рвотой, мокрыми штанами и бесами вокруг. Первый день меня никто не хватился, только на следующий дед заволновался. А я-то дни не считал. Очнусь – пью. Если не лезет, то сразу всё наружу. Я не так много выпил, я, скорее всего, психологически настроился на смерть. Ох, и жутко убивать себя! Не помню, как дед стучал и звал. Потом родители дверь сломали. Я в это время уже на тот свет заглядывал. Андрею, брату медику, звонят, а он на операции, сам приехать не может. Говорит: «Вызывайте вашу медсестру срочно капельницами кровь промывать!». И Алёна примчалась. Она вместе с мамой меня спасли. Губы у Максима дрогнули, он грустно улыбнулся. – Вытащили из ада... Вот так, друг. Ведь Господь настолько милостив, что сына и двух дочек подарил нам с Алёной потом. Сыну уже шесть – баловень всех родственников. Старшая девочка – такая нежная, деликатная, глазки фиалковые. Я думал, и младшая на неё похожей родится, ан нет. Та – богатырша, четыре с половиной килограмма и пятьдесят три сантиметра. Я её только на руки взял, она – бац! – мне кулаком по носу! Что дальше-то будет?

Лицо у Максима просветлело. Виктор тоже улыбнулся, ему казалось смешным родительское умиление отпрысками. Поднявшись на ноги, достал блокнот и карандаш.

– Значит, так. Я пишу названия деталей и адрес магазина. Купишь именно там именно такие детали – без вариантов, предупреждаю. Потом свяжешься со мной. Через Катю, наверное, сам я трубкой ещё не обзавёлся. Приеду и поставлю, обойдёмся без эстакады. Если разбивать перестанешь, побегают малость.

* * *

В это время мама с Катей на кухне готовили чай и переговаривались.

– Катюша, он же... лев!

– В каком смысле?

– Чувствуется в нём сила скрытая, он как пружинка – надо же, столько в жизни бездны, а не сломался.

– Витя считает, что сломался.

– Нет, сжался... Родненькая, он тебе что, нравится?

– Нравится.

– Очень?

– Очень.

– А ты ему?

– Витя меня всерьёз не воспринимает. Говорит, надо меня замуж выдать за приличного, а сам готов лишь крёстным быть.

– Он прав, доча... Только не кивай так удручённо головой. Ну, вот, уже и слеза побежала. Дай я тебя обниму!

Мужчины вернулись, все опять сели за стол. Витю в этот раз заставили-таки покушать, не донимали расспросами, перемолвились о своём, семейном. Атмосфера накала спала, разговор лился неспешный. Маша ушла: всё интересное для неё закончилось, на Катиного хахалю она посмотрела, теперь спешила дырку на джинсах вырезать, пока мама с сестрой не видят.

За чаем Алёна спросила у Вити:

– Что у вас за соседи по коммуналке?

– Обыкновенные соседи, такие же, как и я. В одной комнате – еврей с сожительницей, другую всё никак продать не могут, никому у нас не нравится...

Хозяин перед расставанием всё-таки просил чиркнуть данные судебного дела на бумаге и обещал выяснить, можно ли что-то изменить.

– Вам кажется, что дело прошлое, но жизнь по-всякому поворачивается, лучше не иметь груз судимости за душой, тем более ложный.

– Ну, хорошо, дело пересмотрят, допускаю, найдут перегибы – и что, брата сажать? Я не пойду на это, хоть он и подлец.

– Молиться за него надо, – впервые за вечер подала голос Катя. – Правда, правда. Об умягчении злых сердец, и акафист подобрать. Давай, Витя?

– Я... не готов. Ненависти, слава Богу, нет уже. Но молиться? Честно, Катя, только такие чистые души, как ты, могут так быстро и по-христиански реагировать, а у меня самого в душе куча тараканов – не могу за него пока молиться.

– Честный ответ, – поставил точку Максим.

* * *

На улице смеркалось. Витя стал благодарить за ужин и прощаться.

– Подвезу тебя, – сказал Максим, – чтобы Кате не ехать.

Девушка сделала вид, что рада, хотя хотела сама поговорить с Витей. Друзья сели в машину Макса.

– Наконец-то мужик за рулём, – улыбнулся Витя.

– Ха!... Тебе-то, небось, самому хочется?

– Катя предлагает, когда права восстановлю, сделать доверенность на её Ford, но я не уверен, что такая идея мне по душе.

– А ведь ты Катюшке нравишься – не спорь. Я заметил, как она смотрит на тебя.

– Серьёзно?.. Тогда мне пора сматывать удочки. И поскорее.

– Ничего, девчонкам полезно влюбляться.

– В моём случае ничего полезного нет, придётся кое-что рассказать, а не хочется.

– О чём?

– О ком. О бомжихе, например – кстати, хорошая баба, за собой следила, как могла, даже духи имела.

– О!

– Флаконы выбрасывают, а она туда капнет денатурата – всю вонь перешибает... Она меня девственности лишила.

– Кате об этом лучше не знать.

– В том-то и дело... А после – Краля соседа. Мы с ней по пьяни такие фортеля выделяли, что даже кровать сломали – впрочем, мы и без кровати обходились...

– И этого лучше не говорить.

– Эх, Максютя, разве я мог предположить, что Катю встречу, что пить брошу?

В понедельник после работы девушка забрала Витю, они поехали подавать заявление в ГИБДД на восстановление прав, потом пошли в парк, благо погода стояла на удивление тёплая и сухая.

– Хороший у вас дом, Катюша, да семья отличная.

– А я тебе говорила, чтоб ты не боялся. Знаешь, сколько они с Максимом пережили?

– Знаю, он рассказывал.

– Я и то не всё знаю, вечно скрывают, словно от маленькой.

– Не дуйся! Зато обо мне теперь всё знаешь. Ну, или почти всё – на пикантных подробностях не стал акцентироваться, поберёг вашу дамскую стыдливость.

– Ты молодец, не побоялся перед моими душой открыться. Мама сказала, что ты как лев.

– Кто?

– Ну, лев, сила в тебе типа скрытая.

– Брось. Я всегда был слабовольным. Таким и остался.

Они подъехали к Витиному дому, ещё разговаривая, когда увидели выскочившую из подъезда растрёпанную Риту в тапочках и наброшенной куртке; она металась, не зная, куда бежать.

– Извини, но что-то случилось, – сказал Витя, вылезая из машины.

Секунду подумав, Катя отправилась за ним. Рита, увидев соседа, бросилась к нему и истошно завопила:

– Витенька, дорогой, родной, любимый, помоги!

– Что случилось? – он деликатно пытался освободиться от женских объятий.

– Мойше плохо! Вдруг как упал, захрипел, глаза закатил – страх какой! Я боюсь, Витенька, вдруг он умер?! Помоги! Не знаю, что делать? Хотела в скорую звонить, а перепугалась, адрес вспомнить не могу. Я – к соседям, их дома нет, и тебя нет. Что делать? Как я одна буду? Витя, ты ж меня к себе возьмёшь? Возьми меня обратно, Витенька, я ж тебе борщи варить стану и бельишко стирать, и квартиру намою, а пить я совсем мало буду...

– Уймись, Рита, Мойша ещё выкарабкается. Скорую надо вызвать. Где твой телефон?

– Я ж его с испугу где-то бросила!

– Катя, разреши твоим воспользоваться?

– Да, пожалуйста.

Витя вызвал скорую, назвал адрес.

– Ты езжай домой – видишь, какая заварушка получается...

Катя бросила взгляд на вцепившуюся в Витин рукав жалко улыбающуюся Кралечку, покраснела и вернулась в машину.

Соседи зашли домой. Скорая приехала, Мойшу забрали, а Рита выла и визжала на всю квартиру, висла на Вите так, что ему пришлось пихать её голову под струю холодной воды и укладывать в постель. Он устал от суматохи и, вернувшись к себе, не мог уже думать ни о чём; донося голову до подушки, только успел усмехнуться: «Ну, и лев...» и мгновенно заснул.

Утром, уходя на работу, растолкал Кралечку, велел ей съездить в больницу, разузнать о сожителе.

* * *

После учёбы Катя обычно успевала заезжать домой, чтобы собрать перекус для Вити. Свой автотранспорт – это удобно. Уж после этого она ехала до Андреевой больницы, где он работал. Она умывалась, хорошо расчёсывалась, иногда переодевалась потому что хотела понравиться другу, но он никогда будто не замечал этих попыток. Кате казалось всё напрасным – ну, обыкновенная она, что поделаешь... Витя сел в машину, посмотрел на неё, улыбнулся. Катя налила чай, достала бутерброды с «Краковской» – знала, он любит такую.

– Максим всё купил, что ты велел. Автомобиль дома оставил, на отцовской пока колесит, так что я могу тебя отвезти, если хочешь. Максима, правда, дома нет, он вечером работает, но можно и без него попробовать. Кстати, эстакада у него установлена.

– Хорошо, поехали.

Катя нажала на газ, машина дёрнулась.

– Опять спешишь.

– Прости, глупая привычка... Как дела у твоих соседей?

– Что с Мойшей, пока не в курсе, а Рита истерила, пришлось голову под холодный кран пихать, потом успокоительные капли давать, в кровать укладывать.

– А-а-а...

– Что «А-а»? Да! Любовница она моя бывшая! – Витька отвернулся к окну и чуть слышно выругался. – Я ведь ничем не лучше её и Мойши... Две их у меня было: бомжиха и Рита...

Катя молчала, замолчал и Витя. Так доехали до района Прудово, где жил Максим с семьёй.

– Надо позвонить – нам откроют, – они вышли из авто.

– Тут красиво.

– Да, это дедов дом. Он ведь считался партийной элитой, жил шикарно.

– Жив ещё?

– Мы даже не знаем. Когда бабушка умерла, деда всё, что имел, перевёл в наследство и уехал в неизвестные края, сказал, когда умрёт, нам сообщат. Пока никаких известий нет, папа очень переживает, – почему-то Кате очень хотелось рассказать Вите всё о своей семье, поделиться самым дорогим.

– Теперь этот особняк – Максима?

– Ещё Димы, они вдвоём наследники, но Дима только из уважения к деду не отказывается, он ведь и без того не бедный.

– Да уж, Максим родился баловнем судьбы и... женщин.

– Конечно, он очень красивый, не то, что я...

– Ну, что ж такое на свете делается?! Сколько я ещё буду эти бредни слушать?! Мужики ослепли, что ли?!

– Почему ослепли?

– Да потому, что сокровище не видят – такую девушку, которую целовать и целовать надо. Придётся мне, – Витя осторожно притянул к себе Катю одной рукой, другой провёл по волосам и поцеловал в губы, потом ещё, нежно, ласково. Они замерли возле машины на фоне леса перед забором и не знали, что это то самое место, где Алёна видела падшего Максима, но всё становилось неважным, потому как счастье навалилось на обоих. Хотелось, чтобы эти минуты никогда не заканчивались.

Катя уверяла себя: «Он просто пожалел меня, видя, как откровенно бегаю за ним. Отчего ж не поцеловать? И пусть. Пусть больше ничего не последует. Но я смогу вспоминать

эти поцелуи всю жизнь и не выйду замуж ни за кого другого, только б сиюминутное счастье длилось подольше!». Она настолько увлеклась собственными ощущениями, что не заметила, как Витя, устав сопротивляться, обрёл в Кате трепетное и волнующее чувство, не имеющего отношения к похоти и откровенному сексу, которым он мог заниматься только спяну. Витя хотел показать, что с поцелуем их отношения переходят в иную фазу, потому как Катя теперь его, и он её уже никакому хахалю не отдаст, но она не поняла.

Нацеловавшись до взаимной ошалелости, они, наконец, позвонили, и их впустили. Витя пошёл к «старушке», а Катя – в дом, приготовить перекус. Сноха как раз покормила малышку и отдала её няне, чтобы та уложила спать ребёнка на свежем воздухе. Второй ребёнок – сын Петя – с папой на тренировку не поехал, потому что осопливел, он гулял во дворе. Вскоре обнаружил у машины дядю, остановился в задумчивости неподалёку. Они познакомились, мальчику удалось даже потрогать инструменты. Петя внешне походил на папу и, понятно, уже стал баловнем, но царапина на лбу, взъерошенные волосы и разные башмаки на ногах скрашивали впечатление избрности.

Сноха Лена, родив сына, успела поработать доктором. Максим сперва не мог поверить, что у него нормальный ребёнок, даже плакал от благодарности Богу. Вторая беременность протекала тяжелее – девочка родилась слабенькой и болезненной. Все за неё очень переживали, но она выправилась. Совсем здоровой она не стала, но угроза жизни ушла. Почему-то именно после вторых родов женщина приобрела округлость и вес, а также красоту, которая бывает только у любимых жён и матерей. Её обновлённая внешность привела мужа в восторг, проявившийся в избытке нежности. Меньше, чем через год Лена опять забеременела и с философским спокойствием отходила нужный срок. Девочка-богатырочка по рождении съездила папаше кулаком по носу, чем завоевала его сердце, вернее, те остатки, что ещё не были отданы жене, матери, сёстрам и дочке бесповоротно и на всю жизнь. Сердцеед-женолюбец страдал от того, что не мог решить, кого же из родных любит сильнее.

Лена встретила Катю на кухне, сразу обратив внимание на её блестящие блуждающие глаза и пунцовые щёки. Наверно, потом со смехом расскажет Максиму, что его сестра ничего не слышала и не видела, всё роняла, путала: яичница сгорела, в картошке оказался сахар, так что пришлось хозяйке самой готовить ужин для гостей, благо дети пристроены по няням и дядям. Витя оказался не столь рассеянным, машину чинил, как нужно, но и у него по лицу блуждала улыбка.

Гостей покормили. Витя сказал, что на днях приедет ещё часа на три поработать, а Катя – что привезёт его, и они отбыли.

Сев в машину, девушка вознеслась на вершину своего великодушия и обрела там необходимую для объяснения смелость:

– Витя, я должна кое-что уточнить. Спасибо, что ты меня поцеловал, но я хочу, чтобы ты знал: это никого ни к чему не обязывает. Я всё понимаю. Ты сделал шаг навстречу из жалости – я обещаю не ждать большего. Пусть между нами останется всё по-прежнему.

Катя горда собой: она поступила правильно и благородно, даже слезу не пустила, но Витя вдруг побледнел, стиснув зубы.

– Хорошо, пусть будет так, – единственное, что сказал Витька за всю дорогу. Потом он быстро попрощался и ушёл, но Катя ничего не заметила, лишь хвалила себя за мужество. Она решила больше не молиться за друга: «Сколько можно, в самом деле?». Вечером легла спать с чувством выполненного долга.

* * *

Витя поднимался в свою квартиру с привычным когда-то чувством обречённости, словно с жерновом на шее. Почему он не ушёл от Кати сразу? Отперев дверь, наткнулся на пьяную

Кралечку в распахнутом халате на голое тело. Она схватила его за руки и попыталась прижаться; сквозь нечленораздельные причитания пробивалось:

– Боюсь одна... Ты же меня не оставишь... Я же не чужая...

Витя подумал: «Вот оно, и думать не надо – бери! Только напейся сначала, а то стошнит».

И спросил:

– Что с Мойшей? Ездил к ему?

– Ездил... Жив... Только эта у него... Как его?... Пара... Пара золиловало.

– Парализовало?

– Да, всю л... левую сторону, и правая рука плохо действует... И не говорит почти.

– А врачи...? Что обещают?

– Забирать надо домой и ух-ухаживать, а там к-как п-плучится, – Краля посмотрела на Витю когда-то красивыми, а сейчас налитыми кровью глазами и пьяно зашипела, хватая за руку. – А я же не могу, не могу одна, мне же надо – ты-то понимаешь?

Он понимал. Понимал, что уже не сможет. После того, как целовал Катю, уже не сможет. Даже если напьётся.

– Нет, Рита, нет! Возьми себя в руки! Ты должна ухаживать за Мойшей. Мы заберём его, ты станешь ему любящей женой, станешь мыть, кормить, жалеть, стихи читать.

Женщина в ужасе отшатнулась, лицо её искривилось, она побежала в комнату, как в убежище, и, закрывая дверь, крикнула:

– Он же почти труп, а лет двадцать протянуть может! Кому я потом нужна? Ни за что! Ты меня не возмёшь, другие найдутся!

Витя зашёл к себе, внутренности пекло, во рту пересохло, каждая клетка тела жаждала спасительной огнедышащей жидкости, но её не было. Не было и крещенской воды. В глазах померкло, бездна тянула к нему свои когтистые лапы. Он никому не нужен, даже Катя от него отказалась. Ноги подкосились, словно перерубленные, он рухнул на пол, заскрипел зубами и завыл: «Надо срочно бежать в магазин, ведь есть деньги, хватит и на бутылку, и на другой, и на третий, и на закуску. Но не дойти – ноги „перерубленные“, лучше – к Крале, у неё есть всё, что нужно. Тёплое, рыхлое, пышное, пьяное тело и горячительная бормотушенька, которую Мойша тащит. Точнее, тащил откуда-то бидонами».

Ноги дрожали, руки взмокли, зубы лязгали, но он добрался до соседской двери и рванул её на себя – они никогда не запирались друг от друга. Крали не было. Её не было ни в ванной, ни на кухне. Ушла, сбежала, а он не слышал! Взревев, Витка бросился к шкафам и серванту: бормотухи не было. Нигде! Пошатываясь, вернулся к себе. До магазина не дойти в таком состоянии. Нутро жгло и жгло, его будто скрючило и опять швырнуло на пол, на который он рыгал с перепоя два или три года назад, и который кропил святой водой несколько дней назад. Подняв остекленевшие глаза и не имея сил вспомнить, где у него лежит Евангелие и бумажная иконка, прохрипел откуда-то из глубины гнилого нутра:

– Сжался, Господи, твой я...

Такой получилась его первая вымученная, выстраданная молитва, сознательное обращение к Тому, кто послал его в эту юдоль земную непонятно пока зачем, кто звал и протягивал руку, стоя на сломленных вратах ада. Наступила звенящая тишина, время остановилось. Образ скрюченного тела на полу на невесомом невидимом облаке молитвенного дыхания поплыл ввысь, выше крыш, облаков и звёзд. Витка слышал тишину, слышал стук своего сердца и боялся шевельнуться, а огонь неугасимый, плач и скрежет зубов отошли от него, притаились по углам. Так лежал до рассвета, периодически вздрагивая от не уходящей жизни, пока в шесть утра не задребезжал будильник.

Еле поднялся, в голове шумело, всего трясло. Взял бутылку от крещенской воды, вышел на кухню, налил туда воды из-под крана, всю тотчас выпил прямо из горлышка. Потом умылся и поехал на работу, где, однако, понял, что трудиться не сможет. Руки противно дрожали

и наваливалась неподъёмная усталость. Он пошёл к завхозу и написал заявление, чтобы уйти с половины дня, аргументируя тем, что необходимо забрать соседа из больницы – больше некому. Витька действительно туда поехал, договорился со скорой и привёз бедолагу домой, сам довел его до кровати и уложил. Мойша – лёгкий, глаза – испуганные. Витька переодел больного, к кровати придвинул столик, на него поставил лампу, воду, положил памперсы, лекарство.

– Надо тебя покормить. Лежи, пойду, овсянку сварю.

Витька почти никогда не готовил, но теоретически представлял себе, что овсянка готовится очень просто: кипяток, соль, крупа. «Только сколько варить? Наверное, как пельмени, минут десять? Или как сосиски, две минуты хватит?», – разгар его размышлений раздался звонок в дверь. «Неужели Рита вернулась? Ключи, что ли, забыла?», – подумал Витя и открыл дверь. На пороге стояла Катя.

* * *

Катя с утра чувствовала угрызения совести, но не понимала их причину. День шёл, тревога разрасталась. Она отучилась, заехала домой, потом – к Виктору на работу. Ждала его долго и напрасно, подошла к воротам, постучалась; выглянул мужик – сторож, она спросила: «Где Виктор?». Мужик ответил, что тот проработал только полдня и уехал в больницу забирать соседа. Катя вернулась домой: «Что ж, завтра встретимся». И села пить чай. Пришла мама, такая милая, заботливая, всё понимающая.

– Зайчик, ты сегодня дома, как удивительно. Вы с Витей не поссорились?

– Нет, просто у него дела.

– Вот как? Занятой мужчина, однако.

– ... У меня странное нехорошее чувство, будто... что-то не так сделала. Наверное, потому, что вчера не помолилась за Витю, теперь грустно. Но перед сном обязательно помолюсь...

– Я сварила варенье из тыквы – оригинально. Хочешь попробовать?

– Я почему-то ничего не хочу... Мне почему-то хочется плакать, даже рыдать – странно, ведь вчера я чувствовала себя такой счастливой...

– Да? А что произошло вчера?

– Витя меня поцеловал.

– Что?!

– Ну, наверное, пожалел меня, ведь я липну к нему. Да-да, мама, к тому же всё время говорю, что некрасивая – вот он поцеловал, чтоб я так не думала.

– Это Виктор сам сказал?

– Нет, он ничего не говорил, я говорила.

– О чём же, если не секрет?

– Ну, типа, пусть он не считает, что раз поцеловал, то обязан любить, что я ничего не жду, пусть всё останется по-прежнему, ведь он не по любви, а из жалости.

– Боже мой! Катя, всю эту галиматью ты ему в лицо высказала?

– Мама, но ведь так благородно, возвышенно, к тому же честно! Не надо жалости, я вполне смогу прожить старой девой и помнить его поцелуй как самые счастливые мгновения жизни!

– Доченька, но ведь... ты его обидела, я даже боюсь, что очень сильно обидела – разве не поняла, не почувствовала?

– П-п-почувствовала, – выдавила из себя Катя, полетев кубарем с вершины своего самолюбования, и слёзы покатались из её глаз градом. – Он теперь начнёт меня избегать?

– К сожалению, думаю, что да.

– Я поеду к нему.
– Куда?
– В коммуналку, он сейчас там, соседа из больницы привёз.
– Но, насколько я помню, Виктор не хотел, чтобы ты появлялась у него дома.
– Да, очень не хотел.
– Тем не менее, ты едешь?.. Адрес знаешь?
– Знаю.
– Подожди, вдруг...
– Если нетрезв – то моя вина. Мама, я его очень люблю, – и Катя с решимостью сорвалась с места, не утерев слёз и не поправив причёску.
Сердце стучало бешено, кровь прилиwała к щекам. Он выгонит её? Пусть. Там будет эта... женщина? Пусть.

* * *

Витя открыл дверь. На пороге стояла Катя, растерянная и взъерошенная. Мужчина вышел на лестничную площадку, прикрыв дверь в квартиру.
– Зачем ты здесь?
– Я... тебя обидела. Витя, прости, пожалуйста.
– Не за что. Ты верно вчера всё сказала. Это у меня крыша поехала, а ты меня на землю грешную вернула. Надо знать своё место.
– Нет!!! – у Кати сделалось очень испуганным лицо. – Ты всё неправильно понял, Витя, нет!
– Не кричи так... Хорошо, заходи, раз приехала, посмотришь во всём великолепии быт обыкновенного российского пьяницы, – почти равнодушно мотнул головой.
– Ты не пьяница. Я ведь боялась, что...
– Я пьяный? Вполне мог, но не получилось...
Они вошли. С момента выписки Вити из больницы квартира чище не стала: те же облезлые обои, затхлый запах, грязь вдоль плинтусов.
– Ты привёз соседа? – всё ещё робко спросила Катя.
– Привёз, а вот Рита, похоже, сбежала. Сейчас варю ему кашу, но не очень-то умею. Сколько овсянка кипеть должна?
– Три минуты достаточно, потом лучше потомить под крышкой.
Прошли на кухню, тоже убогую и грязную, но Катю сейчас это мало интересовало. Из приоткрытой двери соседа послышалось громкое мыканье.
– Нет, Мойша, это не Кралечка. Это ко мне. Ждёт он её. Сколько крупы хватит?
– Чуть побольше. Давай, я насыплю и соли добавлю. Сам ел что-нибудь?
– Каша сварится, заодно поем, – он бросил едва заметный испытующий взгляд на девушку и глубоко вдохнул.
Катя покраснела румянцем, стала рьяно подмешивать в кастрюле.
– Ну вот, теперь выключим. Пусть постоит минут пять-десять...
– Давай поговорим, Катя... Я не могу стать тебе хорошим мужем. Именно здесь, на этой кухне, я занимался паскудными делами, совесть меня не обличала – я кормил её водкой, терял человеческий облик, получал от этого кайф. Вчера... Я почти вернулся на сей путь, я жаждал его – одним словом, ломало нехило. Господь побил меня, поставил опять на ноги, чудом удержал на грани... Но рано или поздно сорвусь – посмотри, руки до сих пор трясутся, даже работать не смог.
– Тебе стало плохо, потому что я не молилась, – её голос почему-то дрожал, срываясь на непривычный писк.

– Пора самому делать выбор, ты ни в чём не виновата... И куда я тебя приведу? В эту коммуналку? Или жить с твоими родителями? Я слишком горд для этого... Катя, Катенька, любимая моя девушка, неужели ты пойдёшь замуж за такого, как я?

– Ты мне пока не предлагал..., – зашептала еле слышно.

– Верно, ты права. Хорошо. Катя, выходи за меня замуж. Мне нечего тебе предложить, кроме своего сердца, но я люблю тебя и очень желаю, чтобы ты стала моей женой...

Девушка зачем-то опять открыла кастрюльку с кашей, помешала её, хотя до сих пор не сводила глаз с Вити.

– Я... согласна.

Тогда он обнял и поцеловал эту глупую девочку, но не так, как в первый раз – нежно, ласково, а крепко и сильно, по-хозяйски, так что у Кати перехватило дыхание, и всё поплыло перед глазами. Уткнувшись ему в плечо, прошептала:

– Я даже готова жить с тобой в этой коммуналке.

– Нет! Исключено. Это слишком унижительно для тебя. Видно, придётся мне смириться, в чужой монастырь без своего устава въезжать, – попробовал пошутить.

Потом они пошли кормить Мойшу и, удивительно, это занятие казалось им бесконечным счастьем.

* * *

Катя вернулась поздно. Маша спала, а родители ждали. Девушка не могла прятать полёт чувств: щёки пунцовели, глаза сияли, припухшие губы улыбались, и главная новость сорвалась с уст сама: «Витя приедет просить у вас моей руки, как только вы сможете принять его».

Родители, в общем-то, ожидали такого разрешения ситуации, хотя понимали опасность занять подобного зятя.

– Ты, Катюша, согласилась?

– Да.

– Он сам сделал предложение или ты спровоцировала?

– Я только приехала к нему, потому что не видела целый день и накануне обидела, а там уж как-то всё само собой получилось.

– А если выпивать начнёт, Катя? Такой крест не всем под силу.

– Будь что будет.

– Всё-таки надо с его судимостью разобраться, – это уже папины мысли вслух.

Витя приехал воскресным вечером, на сей раз с букетом цветов (Катя подсказала, что мама любит герберы). Благословение молодые получили. После этого обсуждали место и время свадьбы. Родители спрашивали и о том, где пара собирается жить. Витя высказал единственное желание: венчаться у отца Виктора. А Кате хотелось, чтобы на свадьбе поменьше народа собралось, она стесняется громкого празднования. Сроки определили по условию батюшки: «Когда он скажет, тогда и будет». Впереди маячил Великий пост, а молодые люди не знали, венчаться до или после него.

Пригласить решили только своих братьев с семьями, да крёстных. Для жилья молодым предложили комнату в пристройке (Вите всё же пришлось знакомиться с устройством дома). Изначально в доме было четыре жилых комнаты и одна общая. При увеличении семейства достроили часть с двумя комнатами, отдельным санузелом и верандой. В основном доме жили родители и дочери, мальчишки ютились в отдельной комнате вдвоём. А гостевая теперь предназначалась молодожёнам. Витя смирился с тем, что придётся жить у родителей Катти.

Осталось благословиться у отца Виктора, к которому они отправились на следующий день. Подойдя к исповеди, притихшие и смущённые влюблённые обрисовали ситуацию, а батюшка велел им остаться после службы поговорить, ибо вопрос непростой. В храме вдоль

северной стены стояла лавочка, на которой сидели во время Литургии немощные и дети, а после неё – все остальные дожидались своей очереди для беседы с батюшкой. На ней и присели обладатели бьющихся трепетно сердец. Отец Виктор вышел, оглядел ждущих, потом подсел к Кате с Витей, велел остальным либо потерпеть, либо обратиться ко второму священнику, который с недавних пор получил назначение на приход и готов выйти знакомиться с прихожанами. Молодым же сказал:

– Венчаться, значит, желаете? Что ж, честно скажу: ждал этого, ждал. Очень рад, но сначала неплохо бы с каждым побеседовать. По одному, – и велел Вите первому отойти в сторону.

То, что они не сели на лавочку, а направились к аналою, где проходила исповедь, испугало Катю. О чём мужчины говорили, будущая невеста не слышала, но серьёзное лицо батюшки и странное поведение Вити, которого она видела со спины, повергло девушку в тревожное недоумение. «Боже мой, что же случилось?», – волнение замерло у Кати в душе; горячие слёзы мгновенно набежали на глаза, когда Витя внезапно рухнул на колени и поцеловал епитрахиль. Ей почему-то показалось, что священник ругает любимого, она стала молиться за обоих, чтобы Господь укрепил их, дал силу будущему мужу не возвращаться к пагубным привычкам. Наконец, Виктор отошёл от батюшки, совсем бледный, но Кате ничего не сказал, только сжал ей руку. Теряя сердце в пятках, девушка подошла к отцу Виктору и неожиданно обнаружила, что тот улыбается.

– Что-то вы, Екатерина, будто расстроены?

– Мне показалось, батюшка, что вы чем-то Витю напугали – простите...

– Да уж, такого напугаешь! Как же... Но давайте о вас. Скажи, по доброй воле замуж собралась?

– По доброй.

– Не любишь ли другого? Не давала никому обещание?

– Нет. Что вы! Мне, кроме Вити, никто не нужен.

– Мечтаешь, наверное, что будете жить с родителями, будешь о нём заботиться, молиться, всегда вместе – и всё наладится, он ведь добрый, хороший...

– Да... Именно так и думаю.

– Вот только воля Божия, похоже, другая, поэтому веду разговор с вами прежде венчания. Я Виктора дольше, чем ты, знаю, не одну исповедь у него принял – знаю, что он порой невозможное для своих духовных сил совершал, но и без падений не обошлось, жизнь его изрядно потрепала – не нам судить, почему. Это – присказка, сказка начнётся сейчас. Помнишь, когда вы впервые в нашем храме вдвоём появились? Встали вон там, у иконы Царственных Страстотерпцев? Я кадить вышел. Стою на амвоне и понять не могу, что за гости у нас: иерей в пасхальном облачении с матушкой стоят и за руки держатся? Какие галлюцинации? Боже упаси! Когда дошёл до вас, смотрю: это же Виктор с девушкой, и никакого иерея. Но священникам просто так не привидится подобное. Вам я тогда ничего не сказал, не дозрели, а вот с отцом духовным посоветовался. Он мне велел сугубо помолиться, чтобы Господь открыл свою волю. Сегодня вы вошли – оба в белом – иерей и невеста. Виктору надо поступать в семинарию. Возможно, он не скоро станет священником, но вам, Екатерина, важно решить сейчас, сможете ли пойти за ним по этому пути. Назад дороги не будет. Путь сей может оказаться не по силам девушке тепличного воспитания: могут послать в деревню, а с вашей автобиографией точно пошлют. Да ещё куда-нибудь в глубинку, где ни гимназии, ни больницы, и клозет на улице, а зимой топить, да топить – я сам через это прошёл, знаю.

– Батюшка, а Витя как, согласился?

– Ему тяжело. Только жениться решился – непростой шаг для него, а тут ещё семинария. Жизнь меняется кардинально. Но, думаю, он уже давно понял, что Господь зовёт его. Но речь сейчас о тебе, Екатерина. С Виктором лёгкой жизни не получится. Только если ты согласна на сопутствующие тяготы, на матушкин подвиг, который не увидит и не оценит никто из окру-

жающих, даже вряд ли поможет, тогда только соглашайся. В отказе нет греха! Лучше не идти по этому пути, чем свернуть с него, когда образуются семья, дом, дети, когда придётся оторваться от родных и положить жизнь на алтарь креста жены священника с дамокловым мечом пагубного пристрастия.

– Батюшка, вы так хорошо говорите, что у меня сердце замирает! Неужели Господь дарует мне такую радость? Я усердно молила Бога, чтобы он послал мне подвиг, крест, потому что чувствую себя неблагодарной, а Он посылает счастье – ведь это же счастье...

Отец Виктор улыбнулся и подозвал Витю.

– Что ж, решено венчаться. До поста три недели, вот через неделю и повенчаемся. Чего тянуть? У вас обоих впереди работы много: Виктору надо готовиться к экзаменам, да работу не бросать, Екатерине – быт обустраивать. Живите пока с родителями, а дальше – Господь устроит.

– Батя, сомневаюсь. Кто ж меня с таким «послужным» списком в семинарию пустит?

– Господь пустит, а мы похлопочем.

– Надо ли дело с судимостью пересматривать?

– Попробуй. Оно тебе ни к чему. Ни тебе, ни детям твоим. Но брата не засуживай – ожесточится.

Мать Кати как узнала о том, что свадьба через неделю, переполошились. Ведь платье не готово, Витя не одет, гости не оповещены, комната не обставлена! Однако делать нечего – благословение. Засуетились. С костюмом другу помог Максим – у него договор с модельным агентством и ателье, что шьют для спортсменов, там подобрали ему чёрную троечку. Кате тоже нашли платье, так как шить уже времени не оставалось.

* * *

По вечерам договорились по домам читать акафист Божьей Матери «Неупиваемая чаша». Витя отлично помнил, что бесы в его последнюю ломку не исчезли, а попрятались по углам, выжидают. Ему без молитвы нельзя! Скорей всего, теперь всю жизнь нельзя. Катя дала лампадку. Он затеплил, положил акафист и Евангелие, неторопливо покрестился. Читал медленно, останавливался, пил воду, опять читал. Каждая песня – мука возвращения к жизни. Ему плохо каждый день, внутри жжёт и крутит, акафист читается тяжело: голову давит, руки дрожат, Витька держится не силой воли и не упрямством, а тем, что его Бог за шкуру тащит. После акафиста – Евангелие и молитва за Мойшу, за Риту. И – тишина. И – сон: «Господи, пощади меня ради Кати».

Рита вернулась через пять дней опухшая и с синяком под глазом. Долго всхлипывала, ругалась, но стала мыть полы, ухаживать за Мойшей.

На венчание собрались родные и прихожане храма, которые переживали за Витеньку – многие плакали во время таинства. Невеста тоненькая, с огромными глазами и трогательным изгибом губ казалась рядом с женихом совсем девочкой, нежной и робкой. Бусы из белого жемчуга и алый румянец волнения придавали ей неповторимое очарование и сияли единственным украшением. Витя, наоборот, так переживал, что несмотря на склонность к красноте стоял бледный. Строгий костюм и бабочка очень шли ему, и уже трудно было угадать в этом крупном видном мужчине запойного алкоголика со стажем, и прихожанки не зря любовались «своим».

После поздравлений и фотографий поехали на Большую Журавлиху к родителям – там уже накрыли столы – гостей ждали. Собрались родственники и две Катины подружки. С некоторыми гостями Витя виделся и впервые. Катя знакомила:

– Это Степан. Ему двадцать три, студент пединститута, он не похож ни на мать, ни на отца, говорят – на деда по материнской линии. Юноша умный и молчаливый, а скорее, просто скромный. Дима, второй наследник дедовского особняка в Прудово, его жена Виола

и их двухлетний сын. Я много рассказывала тебе про подругу, вышедшую замуж за брата, это Виола. Дима почти твой ровесник, он компаньон отца. А Виола младше меня, но выглядит взрослее. У них удачный брак, впрочем, по любви. Макса, его жену Алёну, их сына и Машу ты уже хорошо знаешь.

Приехал ещё Андрей, заведующий той больницы, где работал жених. Андрей привёз своих детей: шестнадцатилетнего сына и четырнадцатилетнюю дочь. Подростки казались странными. Мальчишка явно наркоманил – у Вити глаз намётанный. Дочка не по возрасту накрашенная. Но их отец понимал назревшие проблемы и, отдав дань семейной традиции, часа через полтора откланялся и уехал со своими отпрысками. Застолье прошло мирно и трезво, все вместе собирались нечасто, свадьбы тоже были редки – всего третья. Андрей женился без благословения, тайком.

Так Виктор начал новую жизнь.

После первой брачной ночи он и Катя рано утром гуляли по Зимнему парку, потом сидели рядышком на берегу озера на постеленной куртке.

– Мне очень важно, чтоб ты простила меня за прошлые грехи, не попрекала тем, что пил и блудил. Сможешь?

– Я простила и попрекать не дерзну.

Витя вздохнул:

– Боюсь вернуться в прошлое. Я ведь получил так много подарков от Бога: он не лишил меня здоровья, хотя я пил много лет подряд, он дал мне хорошую жену, хотя я прелюбодействовал, он ввёл меня в евхаристическую жизнь, хотя я не молился ни за себя, ни за близких. От «чрева адова» избавил меня. Чем я могу отблагодарить его?

В тот же день он провёл осмотр территории, обнаружил на задворках старую баню с большим висячим замком, попросил Катю отпереть и остался доволен увиденным.

– Если у меня начнётся ломка – запрёшь здесь без всякой жалости и выпустишь через десять часов, – это приказ, скажем так.

Свои нехитрые пожитки перевёз чуть позже, комнату отписал храмовому прихожанину. Рита ухаживала за Мойшей, но иногда пропадала на сутки и двое, приходила нетрезвая. Один раз попыталась Мойше влить в рот водочки, но у того началась такая рвота, что пришлось всё перестирывать – ругалась на чём свет стоит, но больного подпаивать перестала. Скоро вселились новые жильцы в обе комнаты, и Рита вовсе притихла.

На работе у Виктора дела процветали: начальство ценило то, что машины всегда были на ходу и в исправности. Несколько раз чинил личный транспорт сотрудников – появились «леваки». Витя от денег не отказывался, зарабатывал прилично. Смог и себе машину исправить. Максим переписал на друга свою поломанную «старушку». Витя её «вылечил» и стал ездить.

Два раза в неделю Витя занимался у отца Виктора, готовился к поступлению в семинарию.

Константин Сергеевич поднял дело о судимости, и там, действительно, нашёлся ряд нарушений: отсутствие договоров с водителями, неправильно составленная доверенность. Нарушения замяли, судимость сняли.

Вечерами молодые по привычке гуляли, но уже реже – дома тоже дышалось хорошо. Почти месяц Витя спокойно держался: помогали акафисты и ощущение счастья. Но с крестопоклонной потяжелело, и до Пасхи Кате два раза приходилось запира́ть его в бане. Весной пошёл подавать документы в семинарию, с благословения отца Виктора поступил. Катя заканчивала училище, но на работу решила не устраиваться, оказалось, что она слегка округлилась. Витя сказал: «Никакой работы». Взял отпуск, и они поехали путешествовать.

Вернулся из армии Матвей, почти сразу женился на генеральской дочери и подписал контракт на дальнейшую службу в армии, уехал с женой служить по распределению. Витя возвратился со значительно округлившейся Катей, а с сентября начал учёбу.

Первые полгода совместной жизни станут для них самыми лёгкими и беззаботными. Хозяйством руководила мама Кати, денег хватало, времени друг на друга тоже, заботы не обременяли, молодость брала своё. Иногда они со смехом вспоминали знакомство, такое необычное и не предвещавшее взаимной привязанности.

– Ох, и разозлился я, когда ты впервые пришла! Мне сказали, что за рулём – женщина! А оказалось, что девчонка совсем! Я как увидел тебя, хотел просто в клочки порвать, да в форточку выбросить.

– Да уж, взгляд у тебя был злющий.

– Правда, злой? И сейчас злой?

– Что ты, давно не злой.

– Как же ты мою злобу перенесла? Я ведь просто сразу понял, что жизнь круто меняется, но цеплялся за старое. Я сам хотел решать, менять её или нет. Вот ведь дурак. И ненавидел тебя, и помер, если бы перестала приходить.

– Я так и понимала.

Витя наклонился и прошептал что-то ей на ухо – Катя густо покраснела.

– Но я тебе больше такого говорить не стану, это – единственный раз в жизни...

Учёба давалась с трудом. «Я не привык учиться. У меня мозги не ворочаются!» – стонал он постоянно, легко давались только литургики и пение, трудней всего обстояло дело с гоимеликой и богословием, даже пересдавать приходилось. Правда, благодаря напряжённой учёбе, позывы к выпивке стали реже. Ремонтом автомобилей приходилось заниматься на дому – желающих хватало. Ближе к зиме Катя благополучно родила сына – это событие настолько смягчило сердце Вити, что он согласился молиться за брата в благодарность за милость Божию.

Все годы учёбы молодые жили с родителями, хотя не сразу научились доверять друг другу. Когда Виктора рукоположили, то со священническим саном и правом называться батюшкой к нему пришли и физические изменения: прекратились ломки, страсть отошла, но начали болеть суставы, особенно на сломанной ноге. К врачу идти отказался, принял недуг как крест и необходимость терпеть. Как и предупреждал духовный отец, молодой иерей получил направление в областной посёлок, куда вскоре они с ныне матушкой Катей и четырёхлетним сыном переехали. У Кати сохранилась доля наследства от деда, приличную сумму добавили родители – на эти деньги семейство справило себе большой крепкий дом и начало ремонт храма.

* * *

После отъезда Кати и Вити в свой дом на Большой Журавлихе поселилась новая семья. Младшая Маша с супругом Мишей. А в бывшей Катиной комнате теперь жила Ольга Станиславовна, мама Алёны, теперь вдова У Алёны Борисовны не получалось съездить в посёлок поведать, как устроилась старшая дочь, хозяйство и уход за практически беспомощной старушкой не давали такой возможности. Но через полгода отец Виктор отпустил жену в гости к родным и к врачу в женскую консультацию, так как та была беременна. Оставшись наедине, Катя и мама сели пить чай и болтать.

– Всё хлопоты: Маша вот-вот родит, а совсем не бережётся, бабушка прихворнула, Егор домой не возвращается – с тобой по душам никак не поговорю. Как вы там справляетесь? Расскажи подробно, по телефону не очень понятно.

– Слава Богу, всё нормально.

– Что сказал врач?

– Анализы сдала, УЗИ пришлось сделать. Кто родится, пока не понятно, восемь недель. А у Маши девочка будет?

– Девочка – вон у неё пузо круглое какое. А твоё самочувствие как?

– Не волнуйся, пожалуйста, всё в норме. Я больше обследоваться не хочу, если самочувствие позволит, и, если, конечно, отец Виктор не благословит.

– Ты теперь его всегда отец Виктор называешь – непривычно. Пока у нас жили – всё Витя да Витя.

– Какой он теперь Витя? Отец Виктор, совсем другой.

– Другой? Тебя не обижает?

– Бог с тобой, мама! Какое там «обижает»? Я имею ввиду духовное. Священники – не мирские люди – он и раньше о себе мало думал, а сейчас и вовсе: храм, службы, требы, с нами мало времени проводит. Да ещё народ такой тяжёлый.

– Тяжёлый?

– Очень. Пьющих много. Убийцы есть. Батюшка ходит к ним, вразумляет. Полноценных семей – по пальцам сосчитать можно, бабульки все со странностями. А то ещё наркоман живёт, ворует у всех, кошек душит. Но есть прихожанки богомольные, да мало, на службе два-три человека. Мне петь приходится, а голосок слабый, еле тяну – вижу, батюшка сердится, у меня сразу – сердце в пятки. Я ему: «Уволь, не по силам», а он: «Пой, больше некому». Ещё бабулька по имени Василиса поёт со мной, но только когда здоровье позволяет. Отец Виктор говорит: «Молись за неё», – я и молюсь, хотя тяжело, она склочная.

– С деньгами как? – Алёна смотрит на дочку пытливо.

Катя опускает глаза:

– Ничего, справляемся.

– Я денег дам, не отказывайся! Ты беременная, питаться нужно хорошо. Хозяйство своё когда ещё разведёте.

– У нас курочки, у соседей – корова, всё слава Богу. А с финансами, батюшка говорит, надо самим стараться выживать.

– Он тебя строжит: «Не вздумай от мамы деньги принимать?»

– Что ты, разве такое скажет? – Катя смеётся.

– Вот и бери, а то я Костю на него настраиваю или его отца духовного.

– Не надо, я возьму. Только немного – ведь Маше рожать скоро. Мама, я уже завтра поеду, хорошо?

– Что так скоро?

– Да ведь оставила их одних, душа болит. Как они там без меня? Отец Виктор с утра в храм уйдёт, сынулю с собой тащит – кто их накормит? Сам ведь в быту как ребёнок малый: легче крышу перекрыть, чем носки постирать. Отпустите меня?

– Конечно, солнышко моё, как надо. А дом-то хорош?

– Да, нам нравится. Крыша, правда, текла, так отец Виктор сам залезал и чинил, а ведь у него ноги больные. Он и на храм к куполам влезал – я вся передрожала, а Вовке – восторг: «И я! И я!» – кричит.

– Как я по внучку соскучилась! – у Алёны в голосе сквозит грусть.

– Ему там раздолье, только ровесников мало: Санька – рыжий, да Марина тётъ Людина, но та постарше. Я мечтаю, чтобы вы все к нам на лето приехали, у нас красиво: лес, речка, воздух аж звенит. Мы ведь и дом большой купили, чтобы гостей принимать. Приезжай, мамочка, огород сажать пора.

– Приеду. Надолго вряд ли: отец работает, он без меня не может, да и баба Оля нуждается в присмотре. Может, внучка какого-нибудь прихвачу, если родители дадут.

– Вот здорово, я тоже попрошу, чтобы братишки вырвались, вон Стёпу батюшка давно зовёт. А папа не приедет?

– Посмотрим, сейчас рано загадывать, – Алёна никак не могла насмотреться на свою старшую дочурку.

– У него всё нормально на работе и со здоровьем?

– Терпимо по милости Божьей. Вот за Андреевых детей душа болит, да Егор гуляет – проси отца Виктора молиться.

– Ах, как у всех сложно жизнь складывается! Максим и отец Виктор по молодости нахлебались, у Андрея с женой не пойми что, Виола в приключение вляпалась, Матвейка скоропостижно женился, прямо страсти какие-то! Одни вы у нас с папочкой идеальная пара: и познакомились красиво, и живёте душа в душу. – Влюблённо посмотрела на маму Катя.

– Ой, насмешила, дочура! У нас тоже не гладко жизнь текла. Ты ведь и не знаешь, что он мне изменил, а я с большим трудом простила...

– Мамочка, правда? Я не знала! У вас свои секреты. Как познакомились – сто раз слышала, а про измену – ни разу. Расскажешь или мне лучше не знать – папа ведь? – когда Катя удивлялась, её глаза округлялись и тогда она больше становилась похожа на Костю, чем на Алёну.

– Да уж... Если б я его не простила тогда, вас четверых и на свете белом не народилось. Но простила, Костин отец помог, очень правильно повёл себя, да и сам Костя покался, а я ж его любила... И сейчас люблю.

Две женщины смотрели друг на друга улыбаясь, такие похожие и счастливые, несмотря на все превратности судьбы, бывшие, настоящие и будущие...

Костя и Алёна. Жизнь прожить. 1973—2000 годы

* * *

Чуть зыбкий воздух дрожал весенней прохладой. В этот ранний час в парке почти никого не видно: две собачницы, белки, да дед-бегун. Уже месяц открытый с просушки парк радовал дорожками, приятно шуршащими песком и свежей зеленью, весело трепещущей в лучах проснувшегося солнца. Всё вокруг уверяло в незыблемости, вечности мироустройства и его оптимистичности – на дворе стоял тысяча девятьсот семьдесят пятый год. Бодрящая дух утренняя свежесть вытащила Костю из машины, призывая пройти по парку. Он, природа и тишина; ветерок, щебет птиц и радость от того, что молод, здоров, а вся жизнь впереди. Вообще-то, поступок неожиданный для него, юноши без особых фантазий и неординарных желаний. После семичасовой тренировки полагалось ехать домой на своём ВАЗе, там позавтракать перед институтом.

Но сегодня лекции отменили – началась зачётная неделя, первым стоял зачёт по марксизму-ленинизму, дальше – практика с иностранцами. Мура, одним словом, спешить некуда. Костя с четырёх лет жил по строгому распорядку. С младенчества у него английский, бассейн, учитель по музыке. С семи лет – английская школа (лучшая, естественно, в городе), дополнительные занятия по истории, математике, немецкому и японскому, бокс и вольная борьба. Он – единственный ребёнок в семье, красивый мальчик с интеллектом выше среднего и очень богатыми для Советского Союза родителями, в общем, золотая молодёжь. Его отец принадлежал к когорте крутых из правительственной верхушки. Он был старше супруги на десять лет, женился на красавице, наследнице всего имущества и капитала, единственной восемнадцатилетней дочери учёного с мировым именем – тогда их ещё ценили. Она, разумеется, работать не стала, а занялась умственным и физическим развитием сына, а также улучшением своей и так сногшибательной внешности. Костю ласково называла «наш инфантильный мальчик», а мужа – «мой генерал».

Сын с одинаковой холодностью посещал кружки, секции, бассейн и родителей не огорчал: учился на отлично, поступил туда, куда они указали – на юридический факультет университета. Настойчивость проявил только, заявив, что пойдёт в армию. Так как отец его полностью поддерживал, матери оставалось смириться. Она перенесла освободившееся время на заботу о себе, на невесту сына и на тусовки, где она считалась основным распространителем новостей, то есть сплетен. Конечно, родители позаботились, чтобы сын попал в блатную роту, где отбывали полезное для спасения Родины время другие «золотники». Но дедовщина процветала и там, однако Костя решил не волновать своих подробностями и справлялся со всем сам. Годы, проведённые на тренировках, прошли не даром, появились и жёсткость, и решительность.

Письма ему писали: отец – редко (пару раз за службу), мама – еженедельно, подруга – раз в две недели. Подругу звали Мариэлла, она тоже из «золотых», но стремительно беднеющих. Ребята вместе учились с первого класса и почти сразу же девочка сообразила, что лучше Кости ей жениха не найти – удивительная смекалка для семилетней девочки, не слишком красивой и не слишком богатой. Инфантильному мальчику оказалось всё равно. С тех пор на все праздники, дни рождения и тусовки они ходили вместе.

Мариэлла сделала большие успехи в продвижении к цели: подружилась с его мамой Галиной Феоктистовной, приходила к ним домой запросто, научилась выглядеть ухоженно, даже эффектно и умело отшивать конкуренток. Единственное, чего она не смогла добиться, так это

поступить в тот же институт, что и Костя. Поэтому училась на парикмахера, разумно предполагая, что обойдётся в жизни без высшего образования – главное, чтобы муж попался приличный. Она умела подать себя в обществе и для Кости стала находкой. Он мог не заботиться о девушках и о том, что пропустит хоть одну тусовку – Мариэлла за всем следила. Кроме того, они действительно смотрелись красивой парой, Галина Феоктистовна уверяла девушку, что свадьба не за горами: «Просто нашего тюфяка надо немного раскрутить». Впрочем, думала она, пусть закончит университет – насладиться совместной жизнью они ещё успеют.

Вот этот самый «тюфяк» Костя шёл по весенней тропинке парка совершенно один, вполне довольный собой и окружающим видом, когда боковым зрением уловил нечто выпадающее из типичной картины советской действительности. Жёлтое пятнышко. Пригляделся и понял, что это шапка на девочке. Она прыгала вокруг дерева и что-то с него соскребала. Удивление юноши оказалось настолько велико, что он подошёл ближе: «Да, действительно, девчонка – ну, в смысле, подросток лет шестнадцати в жёлтой шапочке с бубоном, пушистыми волосами, выбивающимися из-под этого яркого пятна, розовые щёки, выразительные глаза. Да, действительно, собирает в банку палочкой. Но что? Или кого? Червяков или гусениц, во множестве ползущих на дерево». Костя видел раньше таких, они плетут паутину и пожирают зелёные листочки. Мерзость! Но девчонка-то забавная, он никогда таких не видывал. Окружающие его представительницы слабого пола выглядели иначе. Во всяком случае, они не прыгали на дерево за червяками. «Интересно, как пахнут её волосы? Наверняка, не французским парфюмом...», – размышлял он. Так бывает, но Костя этого пока не знал: мир вокруг переворачивается с головы на ноги и дышится совсем по-другому.

– Помочь? – негромко спросил он.

Девчонка оглянулась на парня синим миром своих глаз и что-то внутри у него случилось – словно выглянувшее из-за тучи солнышко одним лучом зацепило его сердце. Она не удивилась – будто ей постоянно предлагают красивые молодые люди интеллигентной наружности собирать червяков в восемь утра.

– Помоги. Я не достаю, роста не хватает, – и передала ему баночку с палочкой.

Костя прилежно начал сбрасывать злодеев в ёмкость.

– Зачем ты это делаешь? Всех ведь не соберёшь.

– Я вызвала службу охраны парковых насаждений. Но когда они приедут! Соберу, сколько смогу.

– И куда их потом?

– С собой возьму, у нас в оранжерее канистра с ядом для вредителей стоит – полью красавчиков, раз не хотят добром заниматься, – девушка улыбнулась и у Кости опять внутри солнечные зайчики заплясали.

– Меня Костей зовут.

– Меня – Алёна.

– Вон на том дереве тоже ползают.

Девчонка вздохнула:

– Если успею, и там соберу, у меня ещё полчаса до практики.

– В оранжерее?

– Да.

– Я там никогда не был.

– Зря, там красота! Азалии, правда, отцвели, но пионы, розы, рододендроны, тюльпаны, цитрусовые симпатичные. А какая у нас коллекция насекомыхных!

– А ты чем там занимаешься?

– Практику проходим после третьего курса.

– Сколько же тебе, Алёна, лет, если не секрет?

– Не секрет, восемнадцать.

– А мне двадцать два, я тоже третий курс заканчиваю, только университета.

– У меня – аграрное училище, факультет растениеводства.

– Я уже понял, что ты любишь цветы и деревья, – Костя тоже улыбнулся.

Он готов был собирать этих червяков хоть во всём парке, но девушка забрала банку и закрыла её крышкой.

– Спасибо, но мне пора, надо успеть к восьми сорока.

– Я... Можно провожу тебя до оранжереи?

– Если не боишься, то пошли.

– А чего я должен бояться?

– Кого? Михаила. Это мой друг. Мы со времён детсада дружим и учимся вместе. Обычно на практику вдвоём ходим, но сегодня он позже подойдёт.

– Я не боюсь.

Оранжерея находилась у выхода из парка, в пятнадцати минутах ходьбы; по дороге разговаривали так, будто давно знакомы и словно за две минуты добрались.

– До которого часа у вас практика?

– С девяти до двух ещё три недели, потом – каникулы.

– Можно я тебя сегодня в два часа встречу здесь?

– Зачем? Миша не поймёт. Ещё драться полезет, а он сильный. Да и тебе тоже... Девушка ведь есть?

– Есть.

– Хорошо, что честно. Прощай, Костя.

Алёна ушла, а Костя остался. Луч солнца спрятался, жить стало невозможно. Она ничего не поняла: у него мир перевернулся. Он не может её упустить, даже если этот Миша свернёт ему шею. Костя посмотрел на режим работы оранжереи, она открывалась в десять часов. Решил прийти через час и двадцать минут...

Ровно в десять Костя купил билет и вошёл внутрь. Немного поговорил с кассиршей, побродил по аллеям, за огороженным участком справа увидел молодёжь в зелёных халатах и шапочках, ковыряющихся в земле. Оценил обстановку: семь человек, один из них – парень. Подумал: «Этот, наверное, Михаил». Подошёл поближе, поздоровался. Алёна удивлённо приподняла брови, у Кости снова пронеслось: «Как ей идёт этот светло-зелёный платочек!». Он сказал:

– Я же говорил, что ни разу не посещал оранжерею. Даже стыдно стало. Решил наверстать пробелы в образовании, – он говорил не тихо и обращаясь ко всем. – Может, проведёшь небольшую экскурсию, буквально на пять-десять минут? Отпустите?

– Только со мной, – рядом с Алёной вырос хмурый парнишка, чуть ниже Кости, но крупный в телосложении. Костя оценил его мысленно: «Пожалуй, килограмм на пять меня больше, он не в общей весовой категории, лицо открытое, простое. Как жаль, что так получилось, Миша».

Втроём пошли по оранжерее с экскурсией. Говорила и показывала Алёна, иногда слово вставлял Михаил, а Костя задавал вопросы, стараясь запомнить ответы – могло пригодиться. Потом вежливо поблагодарил экскурсоводов и попрощался:

– До встречи.

– До какой ещё встречи? – мрачно переспросил Миша, едва новый знакомый удалился. – Где и когда ты успела с ним подружиться? И какого ляха ему надо?

– Очень много вопросов сразу, Миша, – пожала плечами Алёна. – А тебе-то что?

– Физиономия мне его не нравится.

– Очень красивая физиономия, – отозвалась одна из сокурсниц, слушая их диалог.

– На таких девчонки гроздьями вешаются, – вздохнула другая.

– А он, случайно, не артист? – поинтересовалась третья. – Мне кажется, я его в каком-то фильме видела.

Миша остервенело начал рыхлить землю, бросая исподлобья взгляды на Алёну, но та молчала, увлечённо купирюя кустики. Какие одноклассники смешные! Ясное дело, она друга ни на кого не променяет. Девчонки просто давно скрежещут на неё зубами за Мишу – как же, единственный парень на курсе, а только на Алёну смотрит. Глупые, не понимают, что они с пяти лет дружат, это не шутка!

Костя же не спешил покинуть оранжерею. Он поболтал со словоохотливой старуш-кой-служительницей (завязать разговор с ней помогли только что полученные знания). А потом как-бы ненароком перемолвился словом с одной из одноклассниц Алёны, которая шла поку-рить. Кое-что удалось разузнать. Поистине, болтун – находка для шпиона! Оказалось, что Михаил живёт в общежитии на Орловской, хотя у него есть родители. Правда, как выяснилось, пьющие. Фамилия его – Губкин.

Костя решил во что бы то ни стало найти возможность побыть с Алёной наедине, без Миши. А для этого надо было придумать, как отвлечь парня. В голове у Кости смутно вырисо-вывался план действий. Он вышел из оранжереи и направился к остановке. На трамвае доехал до Орловской улицы, высчитывая необходимое сопернику время для передвижения, отыскал общагу и на вахте спросил Мишу Губкина. Дежурившая пытающаяся выглядеть строгой жен-щина ответила

– Учится или практику проходит. Ты вечером приходи, но не позже десяти часов.

– Да мне сейчас надо! Я уезжаю! А, может, соседи по комнате у себя? Так я с ними поговорю, чтоб передали кой-чего.

– У него один сосед, но тот сейчас уехал домой, в Башкирию. Кто знает, когда вернётся. Рядом есть комната, живут Петя и Руслан, но их тоже нет.

– Давайте, я телефон вахты запишу, позвоню вечером. Вы же позовёте его?

– Записывай, только звони с восьми до девяти. В другое время не вызову.

– Отлично.

Выходя из общежития, Костя увидел сантехника, намеревающегося спуститься в люк канализации. Тот говорил о прогнившей системе саноборудования и периодически лопаю-щихся трубах. Эта информация показалась Косте полезной и он быстро придумал новый план якобы с прорванной трубой в комнате.. Впрочем, план шит белыми нитками и полетит в тар-тарары, если Миша поступит нестандартно. Скажем, плюнет на потоп и останется с Алёной. Или решит поехать на такси, а не на трамвае...

Миша поступил стандартно.

Вот как всё было. Костя позвонил знакомому с телефонной станции (тот задолжал Косте) и попросил с двадцати минут второго до половины второго на десять минут отключить телефон оранжереи. А с без десяти двух до двух ровно – телефон общежития. Тот испугался:

– Если прознают, то меня уволят, как минимум! Хорошо, если не посадят!

– Не волнуйся, я компенсирую! А батя найдёт тебе другую работу и отмажет при необ-ходимости.

Знакомый ещё поупрямился, сошлись на семи минутах. Ровно в тринадцать восемна-дцать Костя позвонил в оранжерею из телефона-автомата. Назвался соседом Миши Губкина по комнатам – Петром. Просил передать, чтобы тот срочно ехал в общагу, мол у них в ком-нате прорвало трубу и все заливает – надо спасать вещи. Спрятавшись за угол, молодой чело-век с внутренним удовлетворением наблюдал, как Михаил выскочил из оранжереи, застёгивая на ходу куртку, побежал к трамвайной остановке. На часах протикало тринадцать двадцать три. Костя размышлял: «Трамвай до общаги будет ползти тридцать две минуты, ну, максимум двадцать пять. Миша выскочит из него и сразу побежит в общагу, но пока будет разбираться,

что к чему, пройдет еще минут семь. Потом он попытается позвонить Алёне. Но у него это не получится. Тогда он поедет обратно. В любом случае, до двух он не успеет вернуться».

План сработал! Косте удивительно повезло! Ровно в два часа дня из оранжереи вышли девочки, все шестеро. Дубинин окликнул Алёну, она обернулась, другие хмыкнули.

– Может, разрешишь проводить тебя, раз уж Михаил слился?

– Что-то случилось в общежитии. Он надеялся, что успеет вернуться или позвонить...

Но, видно, не получилось.

Унимая бьющееся сердце и угрызения совести, Костя произнёс нарочито спокойным голосом:

– Так пойдём? Только пешком – погода хорошая.

– Ну, что с тобой поделаешь? Пойдём.

– В какой стороне ты живёшь?

– На улице Есенина, напротив Дворца культуры.

– Отлично. Правда, я думаю, ты после работы устала и проголодалась. Я знаю недалеко приличное кафе, прямо в парке – разрешишь угостить тебя чашечкой кофе?

– Ох, и шустрый ты, Костя! Мы с Мишей тоже в кафе заходили, только вон там, за булочной.

– А я приглашаю в парке – там хорошее кафе, вот увидишь.

– Ладно, пошли.

Косте подхлестывало скорее увести Алёну подальше от тех мест, где они могли пересечься с Мишей, который непременно вернётся в оранжерею и начнёт искать Алёну.

Заведение оказалось не супер. Это был не ресторан, но и не совсем студенческий буфет. Костя подумал, что это даже к лучшему, незачем девочку шокировать помпезностью «Астории». Они взяли кофе, бутерброды, салат, повесили верхнюю одежду на вешалку и сели за столик. Алёна сняла жёлтую шапочку и роскошные каштановые волосы приятно поразили взгляд юноши. «Не крашенные», – угадал он. А затем он с замиранием сердца неудержимо захотел ощутить аромат локонов и прикоснуться к ним.

– Костя, давай честно: ну, зачем ты меня ждал и сюда позвал? Ведь ты совсем другой. Или я другая. Мои интересы очень просты: я люблю родителей, ботанику, хожу в церковь, дружу с Мишей. Это совершенно честно, ни о чём другом не мечтаю. Может быть, это поразительно, но такое случается иногда.

– Именно потому прошу не прогонять меня. Да, действительно, мой мир другой. А ты – как из чистого озера. Я не мог пройти мимо, ёкнуло что-то внутри. Не буду навязываться в бой-френды, просто предлагаю показать любимые места. Я покажу тебе свой город, а ты покажи мне свой.

– Прямо сейчас? – удивилась, но не тормознула Алёна.

– Веди меня, куда хочешь.

– Тогда пойдём в храм.

– В храм?!

– Именно. Ты крещёный?

– Хм, да.

– Вот и замечательно. Значит, идём в храм! И если Богу угодна наша дружба, пусть благословит.

Костя подумал: «Поход в храм – да, поступок смелый! Пожалуй, если из комсомола не попрут, то родителей для беседы могут вызвать. Интересно, как они среагируют? Что скажет мама, которая тайно его крестила в деревне на всякий случай, просто потому, что в роду все были крещеными? Или отец, который всё время утверждал, что сыну нужно давать больше свободы?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.